

серия

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Н. Н. Платошкин

Сандинистская революция в Никарагуа

Предыстория и последствия

Университет Дмитрия Пожарского

История Латинской Америки. Холодная война

Николай Платошкин

**Сандинистская
революция в Никарагуа.
Предыстория и последствия**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 94(7/8)
ББК 6.3.3(7)

Платошкин Н. Н.

Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия / Н. Н. Платошкин — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2015 — (История Латинской Америки. Холодная война)

ISBN 978-5-91244-103-5

Книга посвящена первой успешной вооруженной революции в Латинской Америке после кубинской – Сандинистской революции в Никарагуа, победившей в июле 1979 года. В книге дан краткий очерк истории Никарагуа, подробно описана борьба генерала Аугусто Сандино против американской оккупации в 1927–1933 годах. Анализируется военная и экономическая политика диктатуры клана Сомосы (1936–1979 годы), позволившая ей так долго и эффективно подавлять народное недовольство. Особое внимание уделяется роли США в укреплении режима Сомосы, а также истории Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) – той силы, которая в итоге смогла победоносно завершить революцию.

УДК 94(7/8)
ББК 6.3.3(7)

ISBN 978-5-91244-103-5

© Платошкин Н. Н., 2015
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1 На задворках двух империй: Никарагуа до 1893 года	8
Глава 2. Интервенция США и борьба генерала Аугусто Сандино: 1893-1934 годы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Платошкин
Сандинистская революция в
Никарагуа. Предыстория и последствия

© Платошкин Н. Н., 2015

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

© Вороновская А. М., верстка макета, 2015

Предисловие

*«Я не сложаю оружие, даже если это сделают все.
Лучше умереть в борьбе, чем жить рабом».*

Аугусто Сесар Сандино

19 июля 1979 года в Никарагуа победила народная революция. Впервые после 1959 года, когда «бородачи» Фиделя Кастро вошли в Гавану, народ одной из латиноамериканских стран в тяжелой и ожесточенной многолетней вооруженной борьбе сверг военную диктатуру, опиравшуюся на помощь США, Израиля и других западных стран.

Как обычные гражданские люди, в основном молодежь, смогли победить созданную и обученную американскими специалистами национальную гвардию Сомосы? Ведь это была одна из лучших и самых жестоких армий Латинской Америки, специально подготовленная для борьбы против народных выступлений. Вчерашние студенты, рабочие и крестьяне, рискуя жизнью, воюя в партизанских отрядах и поддерживая сопротивление на подпольных явках в городах, в течение многих лет вели неравную борьбу. До 17 июля 1979 года, прежде чем Анастасио Сомоса-младший бежал из страны, в борьбе против диктатуры погибли десятки тысяч никарагуанцев.

Настоящая книга – это попытка рассказать российскому читателю, как стала возможной победа революции, без которой трудно изложить историю не только Никарагуа, но и всей Латинской Америки.

За борьбой сандинистов (так в честь национального героя Никарагуа генерала Аугусто Сесара Сандино называли себя противники Сомосы) с сочувствием следило все население тогдашнего СССР и многих других стран мира. Сотни никарагуанцев получили хорошее образование в советских вузах. Никарагуанцы до сих пор благодарны нашей стране за бензин и пшеницу, трактора и автомобили, вертолеты и автоматы.

Разумеется, что в разгаре «холодной войны» и тотального противостояния социализма и капитализма, США не приняли Сандинистскую революцию и решили свергнуть ее, в частности с помощью обученных и вооруженных ЦРУ отрядов «контрас».

Как «контрас», так и непосредственно сотрудники ЦРУ США убивали никарагуанских граждан, бомбили столичный аэропорт, пытались убить министра иностранных дел священника Мигеля д'Эското, минировали никарагуанские порты. Международный Суд ООН по иску Никарагуа осудил эти действия США и потребовал от Вашингтона выплатить компенсацию правительству Никарагуа.

Но, к сожалению, в России до сих пор нет полноценного исследования причин и хода Сандинистской революции 1979 года. В советское время писать историю никарагуанской революции было еще рано – она продолжалась до 1990 года, когда (во многом из-за краха СССР) была вынуждена временно отступить. Но что удивительно – революция не прекратилась: в 2006 году вчерашние партизаны выиграли выборы и вернулись к власти. На этот раз – уже мирным демократическим путем. Лидер Сандинистского фронта национального освобождения и президент Никарагуа в 1984–1990 годах Даниэль Ортега в 2006 году стал президентом, несмотря на жесткое противодействие США.

За эти годы и сами революционеры, и весь мир стали другими. Но Никарагуа относится к числу тех стран, население которых с благодарностью и уважением относится к России, что нечасто встречается в Европе – на постсоветском пространстве. В сердцах сотен тысяч никарагуанцев до сих пор живет благодарность к СССР, который поддержал их страну в 80-е годы.

Зная историю Никарагуа, не приходится удивляться тому, что именно эта страна одна из первых поддержала Россию в августе 2008 года, когда российских солдат убивали в Осетии натовским оружием. В день своего государственного праздника Республика Никарагуа признала независимость Абхазии и Южной Осетии, доказав таким образом верность старой дружбе.

Цель создания этой книги – познакомить российского читателя с бурной историей Никарагуа, рассказать о ее героях, от Сандино до Фонсеки, которые не жалели для своей страны ни здоровья, ни жизни. Многие латиноамериканские страны до сих пор ищут свой путь развития, и вдохновили их на этот поиск Россия и Куба. В международных отношениях важны стратегические и тактические союзы, иногда слабо развитые в экономическом плане страны и малочисленные народы могут оказаться более надежными союзниками, чем крупные государства.

И если, завершив чтение, уважаемый читатель осознает, что у России есть миллионы верных друзей по ту сторону Атлантики, автор будет считать свою миссию выполненной.

Часть I

Глава 1 На задворках двух империй: Никарагуа до 1893 года

Никарагуа большую часть своей истории вообще не была единой страной в полном смысле этого слова, виной чему довольно сложный географический рельеф и природные особенности этой территории Центральной Америки. Благоприятными для жизни человека являлись и являются по сей день довольно плодородные равнины тихоокеанского побережья страны. От них на восток за горными вулканическими цепями (Никарагуа иногда называют «землей вулканов») лежит непроходимая тропическая сельва с ужасным малярийным климатом. И сегодня попасть с западного тихоокеанского побережья Никарагуа на атлантическое весьма непросто. В древности человек, предпринимавший такое путешествие, рисковал жизнью.

Еще одна природная особенность Никарагуа стала ее проклятием на долгие десятилетия. По реке Сан-Хуан можно доплыть из Атлантики до самого большого озера Центральной Америки – озера Никарагуа¹. Из этого озера всего 20 километров суши до Тихого океана. Еще испанцы носились с мыслью прорыть трансокеанский канал. Потом идею подхватили американцы. Для Никарагуа же это означало постоянное вмешательство очень далеких от нее держав во внутренние дела. Мечта всевозможных дельцов и флибустьеров о канале стоила жизни многим никарагуанцам, погибшим от рук иностранных агрессоров, прежде всего североамериканских.

Климат и рельеф страны, а также постоянные землетрясения и извержения вулканов никогда не привлекали на землю Никарагуа много людей. И сегодня эта страна – самая малонаселенная на единицу площади, хотя одновременно и самая большая по территории в Центральной Америке (130 000 кв. км).

Считается, что первые, вероятно, пришедшие с территории современной Мексики, люди появились в Никарагуа примерно 6 тысяч лет тому назад. По крайней мере, об этом свидетельствуют найденные отпечатки человеческой ступни в мягком когда-то вулканическом пепле неподалеку от кратера вулкана Акауалинка. Но заселение запада и востока страны проходило раздельно и, возможно, с разных направлений. В западной части страны индейцы говорили на языках, родственных ацтекским, что ясно указывает на то, что они мигрировали с севера. Так же как и обитатели древней Мексики, индейцы запада Никарагуа пили шоколад, выращивали для пропитания индеек и собак. Их основными земледельческими культурами были тыква, кукуруза, бобы, перец чили и авокадо².

Насчет того, как проходило заселение восточной части Никарагуа, ученые спорят по сей день. Некоторые считают, что люди туда пришли с юга, с территории современной Колумбии. Другие полагают, что восточные индейцы Никарагуа родственны карибским этническим группам. В любом случае влияние карибских индейцев очевидно – о нем говорят, например, круглая форма хижин-жилищ и характерный тип лодок-каное. Есть и версия, что и восточные индейцы прибыли в Никарагуа с севера.

¹ Площадь озера 8264 кв. км – 19-е место в мире и первое место в Латинской Америке. Самая большая глубина – 70 метров. Средняя глубина – 13-30 метров. На озере более 500 островов. Это единственное в мире пресноводное озеро, в котором водятся акулы (ученые считают, что оно когда-то было частью Карибского моря). Никарагуанцы называют свое озеро «сладким морем».

² *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 14.*

Как бы то ни было, к моменту появления испанских конкистадоров восточная и западная части Никарагуа резко отличались друг от друга уровнем развития цивилизации. Если на западе люди жили в крупных поселках и находились уже на переходной стадии к формированию протогосударств на базе больших племенных союзов, то на атлантическом берегу и в сельве обитали племена охотников и собирателей, почти не знавших земледелия. Изредка применялось лишь огневое подсечное сельское хозяйство. Тяжелый для земледелия климат давал скудные урожаи маниока, сладкого картофеля и ананасов. Белка в пище индейцев востока Никарагуа было явно недостаточно.

К началу испанского завоевания на территории современной Никарагуа жило, по разным оценкам, от 800 тысяч до миллиона аборигенов. На западе Никарагуа испанцы застали три крупных племенных союза – чоротегано, никарао и чонталь. Чоротегано пришли в Никарагуа из Мексики между IV и IX веками нашей эры. Города этих индейцев были очень похожими на города великих культур Мексики – центральная рыночная площадь и религиозные ритуальные центры. Так же как ацтеки, чоротегано вели войны с соседними племенами с целью захвата рабов и принесения их в жертву своим богам³. Оружие было в основном деревянным – копья, луки, дубинки. Большие семьи из трех поколений жили в огромных домах продолговатой формы. На территории чоротегано теперь находится столица Никарагуа – Манагуа.

Индейцы-никарао поселились на землях, названных позднее их именем, примерно в XIII веке. Они были искусными земледельцами и торговцами – торговали даже с Перу и Мексикой. Никарао жили к югу от чоротегано – между озером Никарагуа и Тихим океаном. Легендарный вождь этих индейцев, Никарао, дал свое имя целой стране.

Индейцы-чонталь жили восточнее чоротегано на центральных горных плато страны. Когда они появились в Никарагуа – неизвестно. Само слово «чонталь» означает «чужак» на языке индейцев-чоротегано.

Геноцид аборигенов Никарагуа начался с появления в 1501 году в Панаме испанского конкистадора Васко Нуньеса де Бальбоа (именно этот испанец первым увидел Тихий океан). Бальбоа проигрался вдрызг в кабаках Санто-Доминго и тайком пробрался на шедший к берегам Панамы корабль, чтобы сбежать от долгов. Когда в открытом море капитан корабля обнаружил Бальбоа (говорят, он прятался в бочке), то даже хотел посадить его на необитаемый остров.

В 1514 году губернатором Панамы (испанцы называли ее «Золотым берегом» в надежде, что именно там скрывается сказочный город Эльдорадо) стал Педро Ариас (Педрариас) де Авила. По его приказу в 1522 году отряд конкистадоров во главе с Хилем Гонсалесом Давилой отправился из Панамы на север и добрался до юго-западной части Никарагуа (между озером и Тихим океаном). Хотя испанцы говорили о великой миссии распространения учения Христа среди индейцев, их реальной мечтой было золото, много золота. Давила встретился с вождем Никарао. Индейцы приняли пришельцев дружелюбно и даже дали им немного вожаденного золота. В ответ испанцы «одарили» их болезнями и жесточайшим террором.

В свою очередь, воинственные чоротегано под руководством вождя Дириангена быстро собрали около трех тысяч воинов и загнали отряд Гонсалеса Давилы обратно на корабли. Гонсалес Давила вернулся в Панаму и сообщил об открытой им земле, названной Никарагуа. Губернатор Панамы преисполнился зависти и арестовал первооткрывателя, чтобы завладеть всем привезенным с таинственного севера золотом. Гонсалесу Давиле пришлось бежать на остров Санто-Доминго.

В 1524 году Педрариас отправил на север новый отряд во главе с Франсиско Эрнандесом де Кордоба. На этот раз испанцы пришли навсегда. Кордоба основал первые постоянные поселения европейцев на территории Никарагуа – города Леон (к востоку от озера Манагуа) и

³ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 14.*

Гранада (на озере Никарагуа), на долгое время ставшие соперниками за первенство в стране. Индейцы не желали сдаваться без боя, и Кордобе пришлось сразу же обнести новые города оборонительными укреплениями. Кордоба был таким же авантюристом, как и все конкистадоры, и поэтому решил, что Педрариас ему не указ. Он вступил в тайные сношения с генерал-губернатором Мексики Кортесом, добиваясь от того назначения на пост губернатора Никарагуа. Но Педрариас узнал об измене, арестовал и казнил Кордобу.

Позднее различные отряды конкистадоров дрались между собой и против индейцев за обладание Никарагуа – эта короткая эпоха вошла в историю страны как «война капитанов». Полностью завоевание Никарагуа (в основном западной и центральной части страны) испанцами было завершено к 1529 году. С 1523 года завоеванные земли подчинялись испанским властям на Санто-Доминго, а с 1539-го – администрации в Панаме⁴.

Столицей новой территории испанской короны стал город Леон, куда помимо светских властей приехал и католический епископ. В 1527 году Педрариас стал губернатором Никарагуа и через год самолично посетил свои новые владения. Вместе с его отрядом в Никарагуа прибыли сельхозинвентарь и семена новых для индейцев растений – прежде всего пшеницы. Привели с собой конкистадоры также коров, свиней, овец и мулов. Поскольку испанцы так и не нашли в Никарагуа Эльдorado, они решили сделать запад страны житницей своих центральноамериканских колоний.

К индейцам Педрариас относился куда менее бережливо, чем к домашним животным. Любое неповиновение (например, отказ бесплатно работать на новых господ) каралось жестокой смертью. Неслучайно аборигены прозвали Педрариаса «Бичом божьим». Своим главным бизнесом Педрариас сделал экспорт индейцев-рабов на рудники и плантации Панамы и Перу, где «товар» быстро умирал от голода и непривычного климата. По некоторым оценкам, колонизаторы «вывезли» с территории Никарагуа в 1527-1542 годах около полумиллиона человек.

К 1581 году индейцы запада Никарагуа фактически вымерли от болезней, репрессий и непосильного труда – в живых осталось около 60 тысяч⁵. Только в 1550 году работорговля прекратилась, якобы по настоянию человеколюбивого епископа Леона, но на самом деле сама собой – живого товара больше в наличии не было.

Ограбив дочиста Никарагуа, в 1530 году люди Педрариса присоединились к отряду Писарро, который с крайней жестокостью сокрушил империю инков. В следующем году, к радости индейцев, «Бич божий» скончался, и новым губернатором Никарагуа стал Франсиско де Кастанеда. Но и новый губернатор, правивший три года, не уступал по жестокости своему предшественнику. Даже в далекой Испании были неприятно удивлены зверствами Кастанеды – губернатора отрешили от должности и отдали под суд. «Новая метла» – Родриго де Контрерас – попытался несколько смягчить политику по отношению к остаткам коренного населения. К этому призывала и церковь – у нее почти не осталось паствы.

В 1542 году испанская корона издала ряд законов, призванных ослабить произвол в отношении индейцев Нового Света. Отныне запрещалось обращать их в рабство и принуждать выполнять функции носильщиков в многочисленных экспедициях, в которых коренные жители погибали тысячами от голода и непосильной ноши.

Однако Испания с ее благими намерениями была далеко. Поэтому и новый губернатор Никарагуа Контрерас в свое время был отдан под суд за жестокость по настоянию епископа Леона. В 1548 году Контрерас отбыл в Испанию, чтобы оправдаться и получить назад конфискованные земельные владения⁶. Жена опального губернатора подговорила своих сыновей Эрнандо и Педро отнять власть у собственного отца. Их охотно поддержали вернувшиеся из

⁴ Латинская Америка. Энциклопедический справочник. Том 2. М., 1982. С. 258.

⁵ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 15.

⁶ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 16.

Перу конкистадоры, не умевшие ничего иного, кроме как убивать людей и грабить первого встречного. Эрнандо Контрерас в 1550 году убил епископа Леона Вальдивесу, и братья отправились в Панаму, где разбили местные испанские силы. Однако панамцы подняли восстание и убили непрощенных гостей.

В 1543 году Испания приступила к административно-территориальному упорядочению своих огромных колоний в Америке. Было создано вице-королевство Новая Испания со столицей в Мехико, простиравшееся от прерий современных США до Панамы. В него вошла и часть современной Венесуэлы. Вице-королевство разделили на аудиенсии (то есть судебные и административные округа). Аудиенсии управлялись генерал-капитанами, поэтому их называли еще и генерал-капитанствами. В 1570 году часть Центральной Америки к югу от Мексики стала генерал-капитанством Гватемала⁷, а Никарагуа, в свою очередь, – частью этой административной единицы, причем частью глухой и глубоко провинциальной. Столицей Никарагуа был город Леон, разрушенный в 1610 году во время извержения вулкана Момотомбо. Столицу пришлось возродить заново.

Но если испанцы не нашли в Никарагуа ни золота, ни серебра, то уже в первой трети XVI века они задумались над возможностью сооружения судоходного канала между Атлантическим и Тихим океанами. Ведь основную часть золота Испания добывала в Перу. Оттуда его везли судами к панамскому перешейку, там перегружали и доставляли по суше на атлантическое побережье, где ценный груз уже поджидала армада галеонов. Канал позволил бы резко сократить транспортные расходы при транспортировке золота. В 1539 году испанцы установили, что река Сан-Хуан течет прямо из озера Никарагуа в Атлантический океан. Таким образом, основную часть трансокеанского канала создала сама мать-природа. Оставалось прорыть всего 20 километров от озера до Тихого океана. Идею представили императору Карлу V из династии Габсбургов. Но того больше интересовала борьба против Франции и «безбожников» протестантов за гегемонию в Европе.

Сын Карла Филипп II, при котором испанская империя достигла максимальных размеров, приказал изучить возможность строительства канала. Однако, подумав, в 1567 году решил отказаться от этого плана. Король опасался, что канал даст возможность португальцам, а также французским и английским пиратам нападать на испанские галеоны с золотом уже в Тихом океане, а не у берегов Кубы, как обычно. К тому же истовый католик Филипп считал, что нельзя без нужды вмешиваться в созданную всевышним природу, – и был не так уж и неправ.

Дважды, в 1658 и 1660 годах, пираты разоряли главный торговый центр Никарагуа – Гранаду.

Без канала генерал-капитанство Гватемала было обречено на прозябание. Не мог себя содержать даже колониальный аппарат управления, вследствие чего приходилось пересылать деньги из Мехико в Гватемалу. Причиной крайней бедности Центральной Америки при испанцах являлось не только и не столько отсутствие крупных месторождений драгоценных металлов (за исключением небольших залежей золота в Гондурасе). Главным бичом была жесткая экономическая политика испанских властей. Мадрид запрещал колониям иметь свой флот и торговать друг с другом. Подавлялось развитие местной промышленности. Центральная Америка должна была поставлять испанской короне аграрную продукцию (какао, индиго, шкуры животных), причем по низким ценам, а взамен приобретать не очень качественную промышленную продукцию метрополии, но уже по заоблачным ценам. Например, женский костюм стоил 100-200 песо, а корова – 6 песо⁸. Испания запрещала выращивать в колониях оливковые деревья и изготавливать оливковое масло, чтобы в зародыше задуть любую возможную

⁷ Территория генерал-капитанства составляла около 550 тысяч квадратных километров.

⁸ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 7.

конкуренцию для метрополии. Даже крайне прибыльный в то время кофе был завезен в Центральную Америку с Кубы лишь в 1808 году.

Для Центральной Америки отсутствие флота было особенно плачевным, так как нормальных дорог в этом регионе не существовало⁹. Поэтому будущие республики были оторваны друг от друга, что поощряло патриархальное местничество и сепаратизм. Даже о событиях в столице вице-королевства – Мехико – жители Никарагуа узнавали спустя недели, а то и месяцы.

Колониальная администрация обирала генерал-капитанство Гватемалу еще и с помощью порченной монеты. Серебряные песо чеканились в Мексике (где были огромные залежи серебра), а после того как они в обращении стирались и теряли часть веса, их сплавляли в Гватемалу. Тамашние жители протестовали, однако власти заставляли принимать неполноценные деньги специальными указами.

Чем дальше от Мехико, тем меньше людей жило на перешейке между океанами и тем беднее они были. По данным на 1824 год, в Коста-Рике («богатый берег» по-испански) проживало не более 70 тысяч человек. Туда ссылали проштрафившихся чиновников. Там же приобретали надель те, кто не имел денег, чтобы вернуться в Испанию. В Никарагуа в том же году жили примерно 207 тысяч человек¹⁰, 40 % из которых были индейцами, остальные – белыми, креолами (испанцы, родившиеся в Америке), метисами.

В Никарагуа, как уже упоминалось, было два крупных города, постоянно соперничавших друг с другом. Богатая Гранада экспортировала свою аграрную продукцию через озеро Никарагуа и реку Сан-Хуан. Люди там были побогаче, и местные землевладельцы придерживались консервативных взглядов. В Леоне было много лиц свободных профессий (адвокаты, мелкие торговцы, учителя, студенты), и город гордился либеральным мировоззрением. Леон торговал продуктами животноводства, прежде всего шкурами.

Индейцы жили практически так же, как и до испанского завоевания. Они владели землей сообща. Периодически местные органы власти наделяли отдельные семьи землей из общинного фонда – эхидо. Испанцы защищали общинное землевладение. Так было проще собирать налоги (община была в этом смысле, как и в России, связана круговой порукой). К тому же сами испанцы в ходе Реконкисты¹¹ предпочитали размещать поселенцев общинами на отбитых у арабов землях, поэтому совместное землевладение было им знакомо.

Земли в Никарагуа было много, а свободной рабочей силы не было вовсе. Такое положение дел наряду с превалированием общинного сельского хозяйства у коренных жителей (земли эхидо нельзя было продавать) сдерживало образование крупных латифундий. Самые богатые семейства Никарагуа поражали европейских путешественников довольно бедной обстановкой своих домов, лишенных такой привычной для магнатов Старого Света роскоши.

Общество было сельским, патриархальным. Государственная власть находилась в далекой Гватемале, поэтому главной опорой был глава семейного клана. Сыновья, даже женившиеся и имевшие собственных детей, должны были беспрекословно подчиняться отцу. У женщин никаких прав не было вовсе, и они редко покидали дом. Даже на семейных трапезах они часто сначала обслуживали главу клана, а сами потом ели и пили отдельно. Католическая церковь всячески поддерживала такой порядок вещей.

Колониальное общество было кастовым, и в нем царил неприкрытый расизм. Высшие должности в госаппарате могли занимать только испанцы. Они же доминировали среди высшего духовенства. Креол мог дослужиться до заместителя мэра (алькальда) крупного города или до среднего офицерского чина в армии. Метисы занимались бизнесом, в основном аграр-

⁹ От северной до южной границы генерал-капитанства было около полутора тысяч километров бездорожья.

¹⁰ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 6.

¹¹ Так назывался процесс отвоевания христианами земель у мавров на Пиренейском полуострове в VIII–XV веках.

ным. Кто-нибудь из них мог стать мэром небольшого поселка или деревни. Интересно, что метисы ненавидели индейцев, и эта ненависть была взаимной. Первые причисляли себя к потомкам завоевателей. Вторые презирали полукровок за отказ от традиционных индейских ценностей и подострастие перед белыми пришельцами. Испанцы использовали расовую вражду в своих целях, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Почти весь XVIII век Испания воевала, причем очень неудачно. По Утрехтскому миру (по которому британцы захватили Гибралтар) Англия получила право раз в год посылать в испанские колонии в Америке корабль для коммерческой торговли¹². Таким образом, монополия Мадрида на торговлю с собственными колониями была сломлена. На самом деле кораблей с туманного Альбиона было значительно больше, и на всем центральноамериканском побережье расцвела контрабандная торговля с англичанами.

На атлантическом берегу Никарагуа белых поселенцев практически не было. Редко заглядывали туда и представители властей. За тяжелый тропический климат эти земли прозвали Берегом Москитов, или Москитией¹³. Тамашние индейцы продолжали жить своей жизнью, пока этой негостеприимной землей в XVII веке не заинтересовались англичане. Они организовали из местных индейцев «королевство», быстро признали его и в 1678 году установили над этим «государством» свой протекторат. Британцы стали активно завозить в Москитию чернокожих рабов с Ямайки и других Антильских островов и вскоре на Берегу Москитов образовалась особая этническая группа – самбо (потомки от смешанных браков индейцев и негров). Жители «королевства» говорили на ломаном английском и занимались в основном заготовкой ценных пород древесины для Британии. Англичане упорно игнорировали все протесты испанских властей, возмущенных активной деятельностью своих исконных врагов на побережье Никарагуа. В 1740 году англичане основали в Москитии крупные опорные пункты – Блуфилдс и Сан-Хуан-дель-Норте, заселив их ямайскими неграми. Сан-Хуан-дель-Норте фактически контролировал устье реки Сан-Хуан и тем самым почти всю экспортную торговлю Никарагуа.

После проигранной Испанией Семилетней войны по Парижскому миру 1763 года Мадриду пришлось признать право англичан заготавливать древесину в Москитии.

В 1749 году новая испанская королевская династия Бурбонов решила вдохнуть жизнь в экономику своих колоний и ослабить жесткую хватку метрополии. В рамках генерал-капитанства Гватемала были учреждены интендантства, призванные поощрять торговлю и собирать налоги для казны. Бурный рост легального бизнеса обогатил многие креольские семьи, которые теперь хотели быть допущенными и к политической власти. В 1778 году испанский король Карл III, наконец, разрешил колониям торговлю друг с другом и с любым испанским портом. В 1797 году было разрешено торговать со всеми государствами, которые не находились в состоянии войны с Испанией.

Испанцам досаждали, прежде всего, англичане. Молодой британский капитан Горацио Нельсон попытался в 1780 году захватить никарагуанские города Гранаду и Леон. Будущий герой Трафальгара на этот раз потерпел неудачу. Вместе с Францией и плохо дисциплинированными восставшими американскими колонистами во главе с Джорджем Вашингтоном испанцы вскоре смогли взять реванш. Версальский мир 1782 года был для англичан невыгодным. Им пришлось уйти из Москитии в обмен на обязательство Испании гарантировать автономии этого региона¹⁴. К тому времени торговля древесиной замерла, и британцы покинули «королевство» без особой скорби.

¹² *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 19.*

¹³ По другой версии, название произошло от индейского племени мискито. Но в любом случае для европейцев Москития ассоциировалась с лихорадкой и тяжелым влажным климатом.

¹⁴ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 20.*

Генерал-капитанство Гватемала королевским указом 1786 года было разделено на четыре интендантства – Гондурас, Сан-Сальвадор, Никарагуа и Чьяпас. Именно границы интендантств и стали позднее границами независимых государств Центральной Америки¹⁵. Столицей никарагуанского интендантства был Леон, что вызывало жгучую ревность Гранады.

Время от времени опять всплывала столь очевидная идея постройки трансокеанского канала через Никарагуа. В 1777 году вопрос прорабатывали британцы, а в 1779-м – испанский король. В 1788 году предложил прорыть канал французский герцог де Сегюр, а в 1804-м – знаменитый немецкий ученый Александр фон Гумбольдт. Но Европа погрузилась в бесконечную войну с революционной Францией, и ей было не до заокеанских проектов.

В 1808 году Наполеон оккупировал Испанию, вывез во Францию совсем выродившихся испанских Бурбонов и посадил на трон в Мадриде своего брата Жозефа. Против французов началось мощное народное восстание, которое сначала возглавили местные комитеты – хунты. Затем они выдвинули из своих рядов единый орган власти – Центральную хунту. Испанские колонии в Америке были в полном замешательстве. Однако очень влиятельная в идеологическом смысле католическая церковь была настроена решительно против безбожных французов, пытавшихся проводить на Пиренейском полуострове либеральные реформы.

В 1809 году представителей американских колоний официально пригласили прибыть в Испанию и занять места в Центральной хунте. Впервые креолы получили возможность участвовать в решении судьбы своей некогда гордой метрополии. Однако кортесы, созданный испанскими повстанцами парламент, не вызвали у креольской аристократии больших симпатий, так как высказались против свободы торговли для колоний. Да и мест в кортесах для представителей Нового Света выделили явно недостаточно.

На этом фоне в Америке все чаще стали думать о полной независимости от Испании. В апреле 1810 года началось антииспанское восстание в Каракасе, в мае – в Буэнос-Айресе.

5 ноября 1811 года восстали жители самой передовой и экономически развитой колонии Центральной Америки – Сальвадора. Они отказались платить налоги в испанскую казну и провозгласили независимость. Испанский губернатор Сан-Сальвадора был вынужден сдать власть повстанцам под угрозой применения силы¹⁶. Но уже в декабре восставшие сложили оружие, опасаясь вооруженной интервенции из столицы генерал-капитанства – Гватемалы.

В Никарагуа первым восстал против испанцев небольшой южный город Ривас. Но испанские войска из соседней Коста-Рики жестоко расправились с бунтовщиками.

10 ноября 1811 года под влиянием событий в Сальвадоре восстал никарагуанский город Леон, где тоже сместили интенданта Никарагуа Хосе Сальвадора. Этого интенданта, который правил уже 18 лет, за деспотизм ненавидело почти все население. Однако испанские войска уже 14 ноября подавили это выступление.

Жители самого большого города Никарагуа Гранады оказались куда упорнее. 22 декабря под лозунгом борьбы против налогового гнета они взялись за оружие и потребовали сместить всех чиновников колониальной администрации. После 16 дней вооруженной борьбы под руководством Мигеля Лакайо горожане захватили цитадель испанцев – крепость Сан-Карлос. Состоявшие из индейцев колониальные войска взбунтовались против своих офицеров-испанцев и перешли на сторону повстанцев¹⁷. Испанцы поспешно отступили в город Масайя вместе со своими семьями¹⁸.

¹⁵ Чьяпас впоследствии стал частью Мексики.

¹⁶ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 11.

¹⁷ *Burns B. E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 146.

¹⁸ Испанцев в Никарагуа называли «пенинсуларес» – «жители полуострова» (имелся в виду Пиренейский полуостров).

Характерно, что новым индendanтом провинции Никарагуа восставшие признали епископа Гарсию Хереса, которого до этого назначили повстанцы в Леоне¹⁹. Никарагуанская церковь была тесно связана с народом (точнее, его богатой верхушкой). Такого жесткого кастового расслоения, как, например, в Мексике, в отсталой патриархальной Никарагуа не было. Церковь там относилась к нуждам большинства «просвещенного» населения внимательно, так как от этого зависело материальное положение самого клира. Тем не менее независимости от Испании церковь не хотела, и епископ возглавил восстание с целью не допустить его излишней радикализации. В результате повстанцы требовали только ослабления налогового пресса.

10 января 1812 года выборный муниципальный орган власти Гранады (аюнтамьенто), состоявший из креолов, торжественно провозгласил отмену рабства, сделав это на четыре года раньше Боливара. При этом рабов-негров в Никарагуа имелось не более 1000 человек, и все они были домашней прислугой. Так что акт имел скорее символическое значение, показавшее всему миру прогрессивный характер гранадского восстания.

В апреле 1812 года испанцы собрали карательный отряд численностью около тысячи человек и выступили в поход на Гранаду. Генерал-капитан Гватемалы мобилизовал против никарагуанцев королевские контингенты в Сальвадоре, Коста-Рике и Гондурасе. По никарагуанским меркам это была огромная армия.

Но жители Гранады тоже не сидели сложа руки и хорошо подготовились к обороне. Были отрыты траншеи, повстанцы располагали артиллерийской батареей из 10 орудий. Два дня боев не дали решающего перевеса ни одной из сторон. Ударными частями испанцев являлись англоязычные негры с Карибского побережья, которые должны были внушить осажденным ужас уже своим внешним видом. Негры с ведома испанцев активно грабили местное население. Однако после ожесточенной перестрелки нападавшим пришлось отойти за пределы города.

Тогда испанцы прибегли к обману и предложили полную амнистию в обмен на капитуляцию инсургентов. Мэрия города сохранялась в своем прежнем, революционном составе. Командующий испанскими войсками дал слово чести от имени короля. 28 апреля 1812 года жители Гранады сдали оружие. Церковь 1 мая отслужила испанским войскам благодарственную мессу. Но после этого богатые землевладельцы-креолы, руководившие выступлением, были по одному арестованы в своих имениях. Их отдали под суд, длившийся почти два года, и приговорили 16 человек к смертной казни, а девять – к пожизненному заключению. 133 повстанца отделались различными тюремными сроками, причем часть заключенных отправили на Кубу и в Испанию. Генерал-капитан Гватемалы Бустаманте-и-Герра отменил подписанное с повстанцами соглашение на том основании, что испанский король не ведет переговоров с мятежниками.

Характерно, что репрессии было поручено провести все тому же епископу Гарсии Хересу, и тот не замедлил продемонстрировать свое рьяное служение королевской власти.

Интересно, что во время гранадского восстания другой крупный город Никарагуа, Леон, сохранил лояльность испанской короне. При этом Гранада, как уже упоминалось, была бастионом консерватизма, а Леон считал себя знаменосцем прогрессивных идей в духе французской революции. Главную роль в таком странном развитии событий играло все то же историческое соперничество между двумя ведущими городами Никарагуа, которое затмевало все остальное – даже судьбоносный вопрос о независимости страны.

Таким образом, первые выступления против Испании в Никарагуа были подавлены. После этого на десять лет в Центральной Америке воцарилось призрачное спокойствие.

В 1820 году в Испании победила революция, что опять привело к взрыву антииспанских настроений в Мексике и Центральной Америке. В сентябре 1821 года в Гватемале узнали, что власти вице-королевства в Мехико намерены провозгласить независимость. На самом деле

¹⁹ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 12.*

восстание в Мехико началось уже в феврале 1821-го, но все это время власти генерал-капитанства еще колебались. 15 сентября, наконец, собралось тайное совещание верхушки колониальной администрации Гватемалы, которое должно было определить дальнейшую судьбу всей Центральной Америки. Обсуждался акт о независимости генерал-капитанства, но участники совещания никак не могли его одобрить, опасаясь репрессий Мадрида. Дело кончилось тем, что жена одного из участников совещания Мария Долорес Бедойя на свои средства пригласила музыкантов и устроила праздничный фейерверк для народа²⁰. Люди шумно и радостно отмечали независимость, и самому совещанию пришлось постфактум признать ее тоже.

Акт по этому поводу был, правда, составлен довольно осторожно. В нем говорилось, что впредь до окончательного определения отношений с Испанией временно провозглашается независимость генерал-капитанства и генерал-капитан Габино Гаинса переименовывается в «политического руководителя». Термины «президент» или «глава государства» не употреблялись намеренно – сам Габино Гаинса говорил, что был вынужден пойти на провозглашение независимости только для того, чтобы не дать народу самому ее провозгласить.

Далее акт предписывал провести по всей Центральной Америке выборы в конгресс (один депутат от 15 тысяч человек), который должен был выработать текст конституции нового государства. Вплоть до решений конгресса сохраняли свои посты чиновники колониальной администрации. В акте также особо подчеркивались незыблемые права католической церкви, в том числе и имущественные.

Следует подчеркнуть, что на самом совещании 15 сентября 1821 года присутствовали в основном представители Гватемалы. Другие части генерал-капитанства представляли люди, случайно оказавшиеся в столице и не имевшие абсолютно никаких полномочий.

Неудивительно, что либеральный город Леон немедленно провозгласил собственную независимость от Гватемалы, в то время как консервативная Гранада сохранила лояльность.

Между тем события в Центральной Америке развивались стремительно и без всякого участия местного населения. В ноябре 1821 года власти Гватемалы получили письмо от мексиканского генерала Итурбиде, который провозгласил себя императором Августином I. Итурбиде предлагал бывшему генерал-капитанству вступить в состав Мексики, пророчески заметив, что в противном случае Центральная Америка «станет объектом вождения иностранных держав»²¹. Габино Гаинса вполне разделял мысли Итурбиде, однако среди местных элит Центральной Америки единства по вопросу присоединения к Мексике не было. Многие не хотели входить в состав не только Мексики, но и самой Гватемалы.

Было решено провести опрос местных органов власти. 157 из 237 высказались за мексиканский вариант. Леон и Гранада оказались здесь единодушны – они хотели присоединения к Мексике. Местные олигархи решили, что только твердая власть Итурбиде поможет им сохранить собственность от возможных народных восстаний. Правда, против империи Итурбиде в июне, а затем в августе 1822 года восстали индейцы и леонские студенты. В октябре 1822-го и январе 1823 года против мексиканцев поднималась Гранада²².

В июне 1822 года мексиканский отряд генерала Филисолы вступил в Гватемалу. Генерал писал позднее: «Собственники были готовы пойти на любые жертвы для содержания моего отряда, чтобы сохранить тем самым гарантию своей собственности»²³. «Плебеев» же Гватемалы генерал считал «задиристыми».

Между тем в Мексике в марте 1823 года свергли Итурбиде. Перед Центральной Америкой опять встал вопрос: как жить дальше? Филисола предложил гватемальцам созвать кон-

²⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 15.

²¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 17.

²² Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 146.

²³ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 19.

гресс и провозгласить независимое центральноамериканское государство, заявив, что у Мексики полно своих проблем и Гватемала является для мексиканцев обузой.

В целом период 1824–1847 годов вошел в историю Никарагуа как эра анархии. Государственный строй практически не существовал. Но если во времена испанского владычества государство хотя бы охраняло элементарный порядок и мир, то теперь наступил период перманентной гражданской войны всех против всех. В Никарагуа то и дело то Леон, то Гранада снаряжали друг против друга «армии», которые грабили всех, кто попадался на пути. Опасаясь бесконечных призывов на очередную гражданскую войну, мужчины подолгу скрывались в горах и лесах. В стране пышным цветом расцвел бандитизм, как политический, так и уголовный. Торговля могла происходить только под защитой вооруженной охраны.

Как только до Никарагуа докатилась весть о падении империи Итурбиде, Леон направил против Гранады вооруженный отряд, чтобы предотвратить провозглашение в городе-конкуренте независимой республики²⁴.

24 июня 1823 года в Гватемале собралась Национальная учредительная ассамблея Центральной Америки. Из 64 депутатов 28 были гватемальцами, 13 – сальвадорцами, 11 – гондурасцами и только восемь никарагуанцами. Меньше делегатов было только у богом забытой Коста-Рики – четыре. 1 июля ассамблея приняла декрет о полной независимости Центральной Америки. Новое государство стало называться Соединенными провинциями Центральной Америки. 17 апреля 1824 года в новой стране было торжественно отменено рабство. Еще раньше были упразднены все дворянские титулы.

В Соединенных провинциях жили примерно 1,6 миллиона человек²⁵. Подушевой ВВП в новых независимых странах Латинской Америки был почти таким же, как в США: 245 долларов в год (в ценах 1960 года), а в Соединенных Штатах – 239 долларов. Конечно, страны Латинской Америки сильно отличались друг от друга уровнем экономического развития, так что средний показатель вряд ли применим именно к Центральной Америке – одной из самых бедных провинций испанской империи.

Местные элиты, в том числе в Никарагуа, восприняли новое государство как излишне либеральное и революционное. Поэтому все консерваторы стали сторонниками отделения от федерации, в то время как либералы стояли за сохранение единства. На стороне консерваторов был мощный экономический фактор – части федерации практически никак не связывались друг с другом единым рынком.

22 ноября 1824 года была принята конституция нового государства. Либералы стояли за максимальный централизм, который должен был соединить пока еще сильно разобщенные экономически бывшие провинции генерал-капитанства. Консерваторы лицемерно выступали за подражание США с их слабой тогда центральной властью и за передачу основных полномочий государствам – членам федерации. Конституция переименовала Соединенные провинции в Федеративную Республику Центральной Америки. Либералы считали это своей победой.

Правда, большинство полномочий по новой конституции отходило к членам федерации, а избирательное право предоставлялось только мужчинам, владевшим солидным имуществом. Католическая церковь сохранила все свои привилегии. Первым президентом страны 29 апреля 1825 года был избран сальвадорец Мануэль Хосе Арсе, человек довольно консервативных взглядов. Президента на четыре года выбирали по многоступенчатым выборам с помощью коллегий выборщиков. Как и его коллега в США, центральноамериканский президент мог быть переизбран еще на один четырехлетний срок.

Конституция предусматривала (опять же по американскому образцу) строительство новой столицы. Но для этого были нужны деньги. Субсидий из Мексики больше не поступало.

²⁴ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 21.*

²⁵ *Bulner-Thomas V. T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P. 21.*

Поэтому пришлось вводить федеральные налоги (например, на торговлю табаком). За собой федерация оставила и таможенные сборы, что, естественно, не понравилось многим экспортно ориентированным латифундистам на местах, в том числе и в Никарагуа. Пришлось занять деньги у англичан на бесстыдно кабальных условиях.

В стране немедленно началась гражданская война. Федеральный президент Арсе рассорился даже с правительством своего места пребывания – Гватемалы.

Яркой политической фигурой Центральной Америки того беспокойного периода был гондурасец Франсиско Морасан, родившийся 3 октября 1792 года в столице нынешнего Гондураса Тегусигальпе в семье креольского торговца и спекулянта земельными участками. Дед будущего героя Центральной Америки был корсиканцем. Учился Морасан в католической школе (других тогда не было) и много занимался самообразованием. Выучив французский язык, Морасан познакомился с трудами гениев Просвещения – Руссо, Дидро, Монтескье. С тех пор он твердо считал себя сторонником прогресса. Получив частное юридическое образование, Морасан в 1821 году вступил в милицию Гондураса в чине лейтенанта. Был сторонником независимости Гондураса от империи Итурбиде и в 1825-м стал председателем парламента Гондураса.

Разогнав либеральное правительство Гватемалы и федеральный конгресс, Арсе в 1827 году направил карательные войска в Сальвадор и Гондурас. Морасан, человек стойких либеральных убеждений, возглавил отряд в 300 человек для борьбы с федеральной армией, потерпел неудачу и был вынужден бежать в Никарагуа.

В Леоне Морасан встретился с командующим никарагуанской армии Ордоньесом, который снабдил его оружием и предоставил в его распоряжение 135 бойцов. В Никарагуа Морасан сформировал армию из либералов численностью примерно в 500 человек и в ноябре 1827 разгромил федеральные части, заняв Тегусигальпу. 27 ноября 1827 года Морасан стал главой Гондураса.

Весной 1828 года федеральная армия (состоявшая фактически из одних гватемальцев) снова начала военные действия против «мятежников», чьи ряды в основном составляли сальвадорцы и гондурасцы. Морасан с 1400 бойцами бросился на выручку Сальвадору и в октябре 1828-го, разбив части Арсе триумфально вступил в Сан-Сальвадор. Гондурасские и сальвадорские либеральные контингенты были объединены под командованием Морасана в «Союзную армию – защитницу закона». В армию входил и никарагуанский воинский контингент. В апреле 1829 года войска Морасана вступили в город Гватемалу. Реакционная диктатура Арсе была свергнута.

Морасан легко выиграл президентские выборы и в сентябре 1830 года принес присягу как глава федерации. В духе традиций французской революции Морасан попытался исключить церковь из процесса народного образования. Он основал университеты в Сан-Сальвадоре и никарагуанском Леоне (1830 год). В области внешней политики новый президент был горячим сторонником укрепления независимости Центральной Америки, чтобы оградить ее от экспансии США и Великобритании. Поддерживал Морасан и идею строительства трансокеанского канала через территорию Никарагуа²⁶.

В 1832 году Морасан бросил открытый вызов католическому епископату – он провозгласил в федерации свободу вероисповедания. Против него немедленно выступили реакционеры, и большую часть своего президентства Морасан вынужденно провел в походах и боях с реакционерами и сепаратистами всех мастей. За поддержку оппозиции Морасан выслал из страны архиепископа Рамона Каусаса.

В ноябре 1831 года в Гондурасе неожиданно высадился сильный отряд испанцев с Кубы. На сторону интервентов переметнулся президент Сальвадора. На мексиканской границе гото-

²⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 38.

вился вторгнуться в Гватемалу бывший президент федерации Арсе с отрядом в 400 человек. Морасан двинул на север отряд своих войск, и Арсе был разбит. Сам президент федерации возглавил поход против Сальвадора и взял столицу этой страны в марте 1832 года. Затем Морасан выбил испанцев с атлантического побережья Гондураса.

В 1834 году Морасан перенес столицу в Сан-Сальвадор и обещал обеспечить честные президентские выборы, для чего даже покинул свой пост. Выборы действительно были честными – на них победил соперник Морасана консерватор Хосе Сесильо дель Валье. Такой исход был практически предreshенным, так как голосовали только богатые, а они обычно стояли за консерваторов. Однако дель Валье умер, не успев вступить в должность, и новые выборы все же выиграл Морасан, вновь занявший пост президента 2 февраля 1835 года. Генерал немедленно предложил изменить конституцию, чтобы сделать федерацию более сплоченной. На практике это означало ущемление интересов гватемальской олигархии, которая считала Гватемалу «первой среди равных» в молодой стране.

В 1836 году новая редакция конституции была утверждена конгрессом. Отныне государствам-членам федерации запрещалось иметь собственные армии и взимать пошлины с внешней торговли.

Однако вступлению в силу новой конституции помешала неожиданно разразившаяся эпидемия холеры. В одной лишь Гватемале от холеры умерло более 1000 человек.

Священники немедленно объяснили неграмотным индейцам, что бог карает их таким образом за поддержку безбожника Морасана. Церковь даже распускала слухи, что власти нарочно отравляют колодцы, чтобы усилить эпидемию²⁷. Священники говорили, что либералы хотят истребить коренное население, чтобы заселить федерацию революционерами-европейцами. Правительство, между тем, отправило в индейские деревни врачей и студентов-медиков, но при тогдашнем уровне медицины побороть эпидемию было сложно.

Индейцы Гватемалы под влиянием лживой клерикальной пропаганды взялись за оружие, и против них были направлены правительственные войска, которые своими репрессиями привели в лагерь восставших еще больше сторонников. Восставших возглавил 22-летний сержант Рафаэль Каррера, которого церковь объявила народным вождем. Лозунгами его армии были «Да здравствует религия!» и «Смерть иностранцам!». В декабре 1837 года Гватемала попросила помощи федеральной армии, но Морасан ответил, что восставшие обмануты и их надо убеждать, а не принуждать.

Но Каррера воспринял эту позицию как проявление слабости, и 2 февраля 1838 года его полудикие отряды заняли столицу Гватемалы. Очевидцы сравнивали начавшиеся грабежи и разбои с захватом Рима готами Алариха. Характерно, что Каррера въехал в поверженную столицу либералов в мундире испанского генерала.

Между тем о выходе из федерации заявили Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика, возмущенные решением федеральных властей отобрать у них взимание таможенных пошлин. От Гватемалы отделилось государство Лос-Альтос, намеревавшееся сохранить либеральный строй. 5 июля 1838 года Лос-Альтос приняли в разваливавшуюся на глазах федерацию в качестве шестого члена.

В апреле 1838 года Морасан легко разбил отряды Карреры (их остатки скрылись в горах) и вступил в столицу Гватемалы. Жители города, напуганные бесчинствами христобивового воинства Карреры, предложили Морасану диктаторские полномочия для восстановления гражданского мира в федерации. За это выступили даже консерваторы. Однако Морасан отказался, заявив, что диктатура противоречит его принципам. К лету 1838-го федеральная армия очистила от мятежников почти всю территорию Гватемалы.

²⁷ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 46.

Удар в спину Морасана нанесла Никарагуа, объявившая о своей независимости 30 апреля 1838 года. Похоже, сепаратисты сами не были уверены в своей затее, поэтому новую страну назвали не республикой, а более расплывчато – «государством». Да и глава этого государства именовался весьма странно – «верховным директором».

Морасан срочно вернулся в федеральную столицу Сан-Сальвадор, но и там царили развал и анархия. 31 мая 1838 года федеральный конгресс постановил, что любое государство федерации вольно в своем выборе и может стать независимым.

Но Морасан не сдавался. Он вернулся в Гватемалу и продолжил громить мятежников Карреры, которые в конце 1838 года запросили мира. Тогда же по просьбе Морасана конгресс Гватемалы обратился к покинувшим федерацию странам с призывом вернуться в союз. Но те стояли на своем и ответили, что в выборах нового президента федерации участвовать не собираются. Так как 1 февраля 1839 года срок мандата Морасана истек, федерация осталась без легитимного главы государства. Это означало конец союза, поскольку Морасан был его главным связующим звеном.

Однако без дела генерал не остался. В том же феврале 1839 года его назначили главнокомандующим сальвадорской армией, которая готовилась отразить интервенцию гондурасско-никарагуанских войск. Морасан еще раз подтвердил свое недюжинное военное дарование и в апреле 1839 года разгромил своих противников у местечка Эспириту-Санто («святой дух» по-испански; бог явно благоволил Морасану!). После этой блестящей победы Морасан был избран 13 июля 1839 года президентом Сальвадора.

Избрание Морасана реакционеры Центральной Америки расценили как попытку возродить ненавистную им либеральную федерацию. 24 июля 1839 года Гватемала (где заправлял Каррера) и Никарагуа подписали договор о военном союзе против Сальвадора. Морасан пытался перейти в контрнаступление и восстановить федерацию, но сил Сальвадора для этого было явно недостаточно. Предпринятая Морасаном военная экспедиция в Гондурас в августе 1839 года потерпела поражение²⁸. Каррера, в свою очередь, призвал народ Сальвадора к восстанию против Морасана, но последний быстро подавил отдельные очаги мятежа.

25 сентября 1839 года на территорию Сальвадора вторглась объединенная никарагуанско-гондурасская армия. Но Морасан, с отрядом всего лишь из 600 бойцов, наголову разбил 2000 интервентов, и те позорно бежали, оставив на поле боя более 300 убитых.

Морасан понимал, что душой консервативно-сепаратистских сил является Каррера. Поэтому в марте 1840 года он с небольшими силами неожиданно вторгся в Гватемалу и занял столицу страны. Морасан ранее всегда побеждал Карреру на поле боя, и казалось, что так будет и на сей раз. Но Каррера обхитрил противника. Он увел свои войска из столицы, а когда Морасан занял город, окружил сальвадорцев пятитысячной армией. В войну на стороне Гватемалы вступили Никарагуа и Гондурас.

Во время ожесточенного боя с индейцами-фанатиками, скандировавшими «Смерть Морасану!» и певшими псалмы, у войск Морасана кончились боеприпасы. Ему едва удалось с небольшим обрядом вырваться из кольца окружения.

27 марта 1840 года Морасан отказался от поста президента Сальвадора, чтобы, как он заявил, положить конец кровопролитию. Таким образом, участь центральноамериканской федерации была предreshена. Характерно, что США и Великобритания благоприятно восприняли известие о поражении Морасана. Закабалить отдельные слабые центральноамериканские республики было куда как проще, чем иметь дело с сильной федерацией, к которой стремился Морасан.

Летом 1839 года в Центральную Америку прибыл дипломатический представитель США Стефенс, который должен был разорвать отношения между Вашингтоном и федерацией под

²⁸ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 51.

предлогом хаоса, царящего в Центральной Америке²⁹. Но на самом деле уже тогда американцев интересовала только возможность прорытия канала через территорию Никарагуа. И канал этот они намеревались контролировать единолично. Государственный секретарь США Ливингстон подчеркивал в инструкциях для первого посланника США в Центральной Америке Уильяма Джефферса: «Делом первостепенной важности для нас является соединение двух океанов судоходным каналом...»³⁰

Морасан в апреле 1840 года отправился в изгнание. Коста-Рика не приняла его, и последний президент федерации поселился со своими соратниками в Колумбии (ныне эта территория является частью Панамы). В 1841 году Морасан выехал в Перу, где ему предложили командовать дивизией перуанской армии в войне против Чили. Но генерал отказался, так как считал эту войну ненужной и братоубийственной.

Не прошло и года после кончины центральноамериканской федерации, как начало сбываться пророчество Морасана о неминуемом закабалении бывших республик федерации иностранными хищниками.

Англичане после развала федерации захватили единственный крупный никарагуанский порт Сан-Хуан-дель-Норте и лишили тем самым Никарагуа основного маршрута внешней торговли. Встала реальная угроза британской оккупации всего атлантического побережья Никарагуа и Гондураса. Никарагуа обратилась за помощью ко всем центральноамериканским республикам. Морасан решил, что внешняя угроза поможет воскресить федерацию, и в декабре 1841 года на борту корабля «Крестоносец» покинул Перу с семьей спутниками. В январе 1842 года Морасан высадился в Сальвадоре и предложил свою помощь в борьбе с британцами. К генералу стекались восторженные сторонники, но правительство Сальвадора, опасаясь осложнений с Гватемалой (где правил Каррера), попросило Морасана покинуть страну.

Морасан отплыл в Коста-Рику, где местные либералы только что подавили реакционный мятеж. Президент Коста-Рики Браулио Каррильо выставил против Морасана войска, но тот убедил их перейти на его сторону. 13 апреля 1842 года Морасан без боя вошел в столицу Коста-Рики Сан-Хосе. Многие тогда сравнивали триумфальное возвращение генерала со «стак днями» Наполеона. К сожалению, это сравнение оказалось пророческим, хотя конгресс избрал Морасана президентом Коста-Рики.

В своем первом воззвании к народу Морасан выступил за восстановление центральноамериканской федерации. Флаг и герб распавшегося союза были объявлены национальными символами Коста-Рики. Были амнистированы все политические заключенные.

Морасан готовился к походу на север и для этого объявил в Коста-Рике всеобщую воинскую повинность и ввел чрезвычайный налог на собственников. Эти меры заставили местную олигархию вступить на путь борьбы с новым президентом. Да и многие простые костариканцы, только что пережившие гражданскую войну, не хотели умирать вдали от родной земли во имя непонятной для них федерации.

20 июля 1842 года Морасан издал декрет, объявлявший Коста-Рику частью центральноамериканской федерации³¹. Фактически это означало объявление войны всем бывшим членам федерации. К началу сентября 1842 года экспедиционная армия Морасана была готова отплыть в Никарагуа. Но 11 сентября началось восстание против Морасана в Сан-Хосе. Антивоенные лозунги повстанцев привлекли на их сторону широкие массы населения. 400 вооруженных мятежников во главе с португальским генералом атаковали оставленных Морасаном в городе 40 сальвадорцев из его личной гвардии. Несмотря на огромный численный перевес, все атаки мятежников (число которых выросло до 1000) были отбиты. После трех дней ожесточенных

²⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 54.

³⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 53.

³¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 60.

уличных сражений Морасан отклонил предложение о капитуляции и с боем вырвался из Сан-Хосе.

Однако один из соратников Морасана, Педро Майорга, к которому генерал поспешил на помощь, просто сдал его в руки мятежников. 15 сентября 1842 года в день 21-й годовщины независимости Центральной Америки Морасан был расстрелян на центральной площади Сан-Хосе. В составленном для своего пятнадцатилетнего сына завещании он писал, что прощает все своим врагам и желает им всего наилучшего. Далее в письме говорилось: «...моя любовь к Центральной Америке умирает вместе со мной. Я обращаюсь к молодежи, которой суждено вдохнуть жизнь в эту страну, покидаемую мною с чувством горечи из-за царящей в ней анархии, и призываю молодежь последовать моему примеру: пусть она предпочтет скорее умереть, чем видеть родину в состоянии хаоса, в каком она, к сожалению, пребывает сейчас»³².

Смерть Морасана означала окончательный крах единого центральноамериканского государства и на долгие десятилетия определила незавидную судьбу народов этого региона, ставших игрушкой в руках сначала Великобритании, а потом США.

Идея федерации, однако, не погибла вместе с Морасаном. В апреле 1842 года Никарагуа, Сальвадор и Гондурас собрали полномочных представителей в никарагуанском городе Чинандега, чтобы воссоздать федерацию. Предполагалось, что править ей станет «верховный представитель» при поддержке совета из полномочных представителей трех государств. В течение шести лет путем ротации главой единого государства должен был побывать посланец от каждой страны. Парламенты трех стран выбирали бы по одному члену в единый судебный орган. Законодательный орган должен был быть сформирован из отобранных правительствами трех стран делегатов.

Правда, федеральные власти не должны были вмешиваться во внутренние дела стран-участниц. Поэтому участь этого образования, существовавшего скорее на бумаге, была predetermined.

Первым верховным представителем стал сальвадорец Каньяс, которого сменил в 1843 году никарагуанец Фруто Чаморро. Общее правительство избрало своей резиденцией город Сан-Висенте в Сальвадоре. Однако все три страны продолжали жить своей жизнью, и, когда срок полномочий Чаморро истек, преемника для него не нашлось. «Федерация Чинандеги» прекратила свое существование.

В 1847 году делегаты трех вышеупомянутых стран собрались снова, на этот раз в гондурасском городе Накаоме, и призвали к восстановлению федерации и выборам в общий парламент – конституционную ассамблею. 22 июля 1847 года центральноамериканская федерация была формально воссоздана. Гватемалу и Коста-Рику пригласили присоединиться к ней. Но призыв так и остался призывом. Хотя Никарагуа и Гондурас ратифицировали «конвенцию Накаоме», Сальвадор одобрил решения только частично, и федерация опять не состоялась.

В 1853 году либеральный президент Гондураса Кабаньяс созвал в столице страны Тегусигальпе новый конгресс для восстановления центральноамериканской федерации. Однако воплощению идеи в жизнь помешали гражданская война и американская интервенция в в Никарагуа.

После окончательного краха центральноамериканской федерации власть в Никарагуа перешла к местным олигархическим кланам. Статья 17 первой никарагуанской конституции 1838 года прямо делила всех людей на жителей и граждан. Выбирать могли только граждане – мужчины старше 20 лет (или старше 18, если они были женаты), родившиеся в самой Никарагуа и имевшие солидную собственность³³. «Жители», к которым относились практически все индейцы, никаких избирательных прав не получили. Но даже такие «выборы» были много-

³² Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 61.

³³ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 79.

ступенчатыми. Депутатов парламента выбирали выборщики, которых сначала выбирали граждане. Сенат выбирали еще сложнее: сначала избирали выборщиков, которые избирали других выборщиков, а уже те – сенаторов.

Конституция 1838 года еще сохраняла положение о защите индейского общинного землевладения.

Пришедшие к власти олигархи столкнулись с дилеммой. Новому государству нужны были деньги. Надо было создать более или менее регулярную армию, так как на восточное побережье страны все время зарились англичане. Да и от соседей добра ждать приходилось не всегда. В 1845 году сальвадорско-гондурасские войска захватили и ограбили ведущий город Никарагуа – Леон. Интервентам помогли консерваторы из Гранады, желавшие вырвать власть из рук леонских либералов.

Прямое налогообложение граждан и жителей Никарагуа было делом бесперспективным, поскольку развитых товарно-денежных отношений в стране не существовало, а большинство людей вообще редко видели деньги. Оставались, конечно, таможенные пошлины – но ведь олигархи сами поднялись против Морасана, чтобы вести как можно более свободную от пошлин внешнюю торговлю. Никарагуанские богачи делали деньги в основном на экспорте шкур крупного рогатого скота, а также на сахаре, хлопке, кофе и табаке. Делиться доходами они не желали. Оставалось только косвенное налогообложение, которое не зря называют «политикой Робина Гуда наоборот». Деньги изымались у бедных и передавались богатым – тем, кто производил товары народного потребления.

Беда была в том, что большинство людей обеспечивали себя едой сами. В эпоху анархии, с 1821 года, многие крестьяне, особенно в отдаленных районах, вообще не платили никаких налогов, так как подчас их просто некому было собирать.

Но в 1845 году министра финансов нового консервативного правительства, представителя одного из самых мощных олигархических кланов страны Фруто Чаморро³⁴ посетила гениальная идея. Он решил ввести налог на популярную среди населения «огненную воду» – крепкий спиртной напиток фабричного или кустарного производства. Конечно, Чаморро и его соратники-консерваторы объясняли новый налог высокими моральными соображениями: мол, никарагуанцы (особенно из низших слоев общества) слишком много пьют, чем мешают прогрессу страны.

К 1852 году налог на «огненную воду» стал самой важной статьей пополнения никарагуанского бюджета – 109 тысяч песо из 296 тысяч общей суммы доходов. Таможенные пошлины давали только 75 тысяч песо³⁵. Стоявшие у власти олигархи активно закрывали небольшие ликеро-водочные предприятия, чтобы их коллеги-олигархи из той же сферы бизнеса получали побольше прибыли. Консервативное правительство раздавало своим сторонникам монополии по обеспечению «огненной водой» отдельных городов и районов. Например, в 1845-м сенатор Бернардо Венерио получил монополию на четыре года по снабжению крепким зельем Леона.

Естественно, новая мера властей вызвала широкое недовольство в стране именно своей несправедливостью. Спиртное местного приготовления пили в основном бедняки – люди вроде Фруто Чаморро предпочитали импортные вина или виски и никаких налогов не платили.

Помимо «огненной воды» консерваторы стремились уничтожить общинное землевладение, скупить земли эхидо и заставить вчерашних собственников пойти к ним на плантации простыми рабочими. В разработанном консерваторами в 1848 году проекте новой конституции уже не было упоминания о защите коллективного землепользования.

³⁴ Чаморро родился в 1804 году в Гватемале, куда на учебу выехал его отец. Отец Фруто являлся одним из основателей консервативной партии Никарагуа и в 1839-1842 годах был сенатором.

³⁵ *Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 147.*

В стране началось активное повстанческое движение против консервативного правительства, которое, естественно, поддержала партия либералов. Одним из популярных в стране «разбойников-джентльменов» был Бернабе Сомоса, выходец из семьи, сыгравшей в истории Никарагуа зловещую роль³⁶.

Отец Бернабе Фернандо Сомоса владел в городке Хинотепе небольшим поместьем и принадлежал к демократам (то есть либералам), противникам испанского владычества. Но основным доход Фернандо извлекал из того, что был самозванным врачом-шарлатаном. Конкуренцию в этом ему составлял некий Матус, который принадлежал к партии легитимистов – сторонников сохранения колониального статус-кво. Когда Матус стал мэром, он попытался посадить Сомосу в тюрьму, обвинив его в появлении на улице после 18:00 с мачете, длина которого превышал разрешенные законом размеры (22 дюйма). Бернабе Сомоса вступился за честь отца и вызвал Матуса на дуэль. Последний завел против семьи Сомосы уголовное дело.

Семья Сомосы бежала в Сальвадор, примкнула там к либеральной партии Морасана и принимала участие в нескольких сражениях в рядах сторонников федерации.

В сентябре 1844 года в Сальвадоре был подавлен путч против президента-консерватора Франсиско Малеспина. Путчисты бежали в Никарагуа. Малеспин потребовал выдачи беглецов, но никарагуанское правительство либералов ответило отказом.

Тогда Малеспин собрал армию и вторгся в Никарагуа, чтобы разбить тамошних либералов и поставить у власти своих сторонников-консерваторов. Сальвадор заключил военный союз с Гондурасом. Мирные переговоры в ноябре 1844 года закончились провалом. 21 ноября 1844 года войска антиникарагуанской коалиции (к которой, как уже упоминалось, примкнули консерваторы из Гранады) стояли лагерем в одном из горных ущелий. Один из генералов круто обошелся с пьяными дезертирами, после чего почти половина армии разбежалась. 26 ноября интервенты все же подошли к Леону и обстреляли город из пушек. В защите Леона участвовала и семья Сомосы. 27 ноября, находясь в изрядном подпитии, Малеспин приказал штурмовать Леон. Атака была отбита с большими потерями для нападавших.

Никарагуанские демократы закупили за границей 1000 мушкетов, 200 ружей, 200 бочек пороха, 100 кг свинца для пуль и 12 тысяч кремней. Весь груз пришел в никарагуанский порт Реалехо, но британский вице-консул в Леоне Маннинг сообщил о нем Малеспину, и оружие оказалось в руках интервентов.

Малеспин назначил новым «верховным директором» Никарагуа представителя консервативной партии Сильвестре Сельву Сакасу. Взбешенный неудачным штурмом Леона, Малеспин сам повел свою армию в атаку, но и она была отбита после ожесточенного боя. В рядах осажденных не было единого командования, и жители города очень сильно страдали от постоянного артиллерийского обстрела. 24 января 1845 года Леон капитулировал, и Малеспин отдал его на разграбление своим солдатам, приказав расстрелять несколько самых видных горожан.

Бернабе Сомоса попал под суд, и консервативное правительство «верховного директора» Хосе Леона Сандовалья бросило его в тюрьму. Но Сомоса бежал и в июле 1845 года вместе с другими либералами объявил о создании народной армии для свержения навязанного стране силой правительства консерваторов. Армия либералов вошла в города Чинандега, Эль-Вьехо и Леон. Со временем Бернабе сосредоточился на контрабанде и различного рода «экспроприациях».

18 марта 1846 года он во главе отряда из тридцати вооруженных людей он напал на поместье упоминавшегося выше монополиста «огненной воды» сенатора Венерио и убил его³⁷. Отряд Бернабе, убивая по пути помещиков, двинулся на Чинандегу, где были казнены три

³⁶ Бернабе Сомосу прозвали в народе «семь платочков», так как, согласно поговорке, ему не хватило бы и семи платков, чтобы смыть кровь со своих рук.

³⁷ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 148.

крупных торговца. Сомоса стал в Никарагуа довольно популярной личностью, и либералы важного города Ривас избрали его своим предводителем. Первый посланник США в Никарагуа Сквайер описывал Бернабе Сомосу как «стройного, грациозного мужчину с пером в шляпе и в красном испанском плаще». Именно Сквайер назвал Бернабе «разбойником-джентльменом».

Пока в стране бушевала гражданская война, консервативное правительство решило принять новую конституцию, чтобы «покончить с анархией». Согласно проекту основного закона 1848 года существенно расширялись права «верховного директора». Либералы решительно протестовали против этой новации, равно как и против исключения из конституции положения о защите общинного землевладения. Интересно, что обычно в Латинской Америке того периода либералы стояли за свободный оборот земель, так как считали общинное сельское хозяйство отсталым и малопродуктивным. Их идеалом был американский фермер. И только в Никарагуа либеральная партия твердо стояла на стороне большинства населения.

Гражданская война 1845-1849 годов велась на всей территории Никарагуа с небывалым ожесточением. Пришла в упадок не только экономика – позабылись основные правила человеческого общежития. Людская жизнь ничего не стоила, никакой охраны порядка не существовало. В 1838-1854 годах в стране сменилось 24 «верховных директора»³⁸.

Сумятицей в стране, естественно, решили воспользоваться внешние силы. В 1847 году Великобритания взяла под свой протекторат «королевство Москитию». Англичане вновь оккупировали Сан-Хуан-дель-Норте и переименовали его в Грейтаун («Серый город»). Грейтаун должен был стать отправной точкой будущего трансокеанского канала. США аннексировали Техас и в 1848 году отторгли у Мексики больше половины ее территории. Зловещее предсказание Морасана начинало сбываться.

Между тем Сомоса приобрел среди простых никарагуанцев такую популярность, что и консерваторы, и либералы (вожди этих партий были людьми богатыми) стали рассматривать его как серьезную угрозу самому понятию частной собственности. Генерал либералов Муньос в июне 1849 года объединился с консерваторами во главе с Фруто Чаморро и начал атаку на Сомосу в Ривасе, откуда все богатые фамилии сбежали перед этим в Коста-Рику. 14 июля Сомоса сдался и 17-го был расстрелян по приговору военного суда (а фактически без всякого суда)³⁹.

Характерно, что адвокатом Сомосы выступал его противник на полях гражданской войны консерватор Фруто Чаморро, а обвинителем – бывший соратник по армии либералов Муньос. Сомоса пытался доказать, что действовал как генерал армии либералов под руководством того же Муньоса. Он даже предоставил суду военные карты, на которых были зафиксированы приказы Муньоса. Но последний отказался признать карты в качестве доказательств, и Бернабе Сомоса был казнен как мятежник и бандит.

Казнь Сомосы была подана общественности как триумф цивилизации над варварством. Однако объединившаяся против собственного народа никарагуанская элита чувствовала, что победа непрочна. Олигархи срочно искали нового внешнего покровителя и не нашли ничего лучшего, как обратить свой взор в сторону Вашингтона. Новое консервативное правительство Никарагуа заверило, что в стране больше не будет эксцессов против «наших братьев североамериканцев». Победившая олигархия обратилась к идее постройке трансокеанского канала и решила, что лучше доверить это дело американцам, которые, помимо всего прочего, выгонят из Москитии назойливых англичан.

Для беспокойства в отношении Лондона были все основания. Сразу же после обретения Центральной Америкой независимости от Испании английская фирма «Барклай энд Компани»

³⁸ *Staten C. L.* The History of Nicaragua, Greenwood Publishing Group, 2010. P. 22.

³⁹ *Burns B. E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 158.

начала изучать возможность постройки канала через территорию Никарагуа. В 1830 году концессию на строительство канала получила голландская компания. В Париже в 1833-м вышел довольно популярный памфлет, излагавший все преимущества будущей водной артерии между Тихим и Атлантическим океанами.

Не дремали и в Вашингтоне. Уже в 1826 году конгресс США обсуждал сооружение канала в Центральной Америке. В 1835-м сенаторы предложили заключить с центральноамериканской федерацией соответствующий договор⁴⁰. Вопрос канала опять поднимался в сенате США в 1839-м и 1846 годах. Уже тогда в соответствии с пресловутой доктриной Монро США считали, что только у них есть право вмешиваться во внутренние дела своих соседей по Западному полушарию.

Но самым знаменитым пропагандистом канала оказался племянник Наполеона Луи Бонапарт, ставший позднее императором Франции Наполеоном III. В 1846 году он писал в памфлете «Никарагуанский канал: проект соединения Атлантического и Тихого океанов посредством канала»: «Так же как Константинополь был центром античного мира, так и город Леон или, скорее, Масайя станет центром мира нового; и если полоска земли, отделяющая два (никарагуанских) озера от Тихого океана, будет перерезана, она (Масайя) будет владычествовать над всем побережьем Северной и Южной Америки. Как и Константинополь, Масайя расположена между двумя естественными гаванями и может служить убежищем для самых больших флотов, защищая их от нападения. Государство Никарагуа может стать даже лучшим, чем Константинополь, маршрутом для великой мировой торговли»⁴¹.

Конечно, будущий император французов был личностью очень противоречивой и увлекающейся. Но пассаж из его произведения ясно говорит о том, что никарагуанский канал владел в середине XIX века умами всей мировой общественности.

Тема канала перешла из умозрительной в практическую после 24 января 1848 года, когда некто Джеймс Маршалл нашел в только что отторгнутой американцами у Мексики Калифорнии золото. В новый штат хлынули десятки тысяч искателей приключений и легкой наживы. С 1848-го по 1852 год в Калифорнию приехали более 200 тысяч человек. Но железной дороги между восточным и южным побережьем США тогда не было и путь из Нью-Йорка до Сан-Франциско занимал много недель, к тому же пролегал по населенной воинственными индейцами территории. В этих условиях взоры США обратились сначала к Панаме – давнишнему естественному перешейку между Тихим и Атлантическим океанами, – а затем к Никарагуа.

Таким образом, если в XVI веке золото привело испанскую империю в Никарагуа, то в XIX веке тот же самый металл сделал Никарагуа мишенью интересов другой империи – американской.

Консервативное правительство Никарагуа решило использовать неожиданно вспыхнувший американский интерес для противодействия англичанам, никак не желавшим покидать Москитию. Британия посредством марионеточного «королевства» предъявила претензии на все атлантическое побережье Центральной Америки от Мексики до Панама. Это означало бы смерть для всей никарагуанской внешней торговли. И угроза эта была весьма реальной. Негритянское население Москитии говорило по-английски, и вместо католической там прочно господствовала англиканская церковь. В 1848 году в Москитию прибыли и протестанты – моравские братья. Поэтому население Москитии не считало никарагуанцев соотечественниками и не было связано с остальной территорией страны какими-либо экономическими узами.

В 1841 году, как уже упоминалось, британцы на военном корабле привезли в Сан-Хуан-дель-Норте «короля» Москитии Роберта I, который и предъявил претензии своего «государ-

⁴⁰ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 161.

⁴¹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 161.

ства» на этот важнейший для Никарагуа город. Когда никарагуанский комендант порта заявил протест, британцы попросту арестовали его и выгнали из города. Годом раньше англичане организовали «Британскую центральноамериканскую земельную компанию», которая обещала раздать любому желающему подданному британской короны земельные участки в Никарагуа. Правда, компания не нашла денег и проекты так и остались на бумаге, однако ничто не мешало повторить этот вариант в будущем.

Британцы активно осваивали и побережье Гондураса⁴², а также пытались захватить острова в стратегически важном для всех центральноамериканских стран тихоокеанском заливе ФONSEКА.

При этом англичане, как и предвидел Морасан, использовали в своих интересах разобщенность центральноамериканских стран. Например, Гондурас в 1843 году подписал с Москитией договор о торговле, дружбе и союзнничестве⁴³. В 1844 году Никарагуа отправила в Лондон специальную миссию для разрешения вопроса о Москитии, но никаких результатов переговоры не дали.

Опасность для Никарагуа несло в себе и развитие мировой технической мысли. Появились паровые суда, и теперь из Европы и США вне зависимости от причуд розы ветров можно было быстро доставить к берегам Никарагуа любой груз – в том числе и армию вторжения. В апреле 1847 года конгресс США дал американской компании «Юнайтэд Стейтс Мейл Стившип Компани» лицензии на транспортировку грузов к атлантическому побережью Центральной Америки. В следующем году британцы открыли прямое пароходное сообщение между Саутхэмптоном и Сан-Хуан-дель-Норте⁴⁴. Мнения никарагуанцев по этому вопросу никто не спрашивал.

«Золотую лихорадку» в Калифорнии «сильный человек» из стана правящих консерваторов Фруто Чаморро воспринял как благоприятную возможность для привлечения американских инвестиций. Он говорил о «революции», которую наконец-то привнес в Никарагуа прогрессивный американский капитализм. В марте 1849 года никарагуанцы действительно увидели эту «революцию» – в лице первой группы американских золотоискателей, решивших добраться в вожделенную Калифорнию через Никарагуа. 136 человек под руководством некоего Джорджа Гордона отправились из Нью-Йорка 20 февраля 1849 года, прибыли в Сан-Хуан-дель-Норте 19 марта и отплыли из тихоокеанского никарагуанского порта Реалехо 20 июля, прибыв в Сан-Франциско 5 октября. Таким образом, путешествие заняло семь месяцев, но главным образом потому, что золотоискатели долго ожидали попутных судов и дилижансов.

«Прогрессивные» американцы запомнились в Никарагуа бесконечными пьяными драками и активным интересом к местным женщинам. У многих никарагуанцев (которые сначала встретили янки очень радушно) зародились обоснованные сомнения в дружелюбности гринго.

Тем не менее консервативное правительство решило с помпой встретить дипломатического представителя США в Никарагуа – 28-летнего Сквайера, который прибыл в страну 22 июня 1849 года. Сквайер проследовал триумфальной процессией в сопровождении сливок никарагуанского общества через празднично украшенную Гранаду и прибыл в столицу Леон, где его приветствовали орудийным салютом и перезвоном колоколов. Один из лучших офицеров никарагуанской армии подполковник Селайя торжественно вез рядом с американским дипломатом «победоносный стяг» США (так писали об этом местные газеты). Официальный орган правительства газета «Болетин Офисьяль» провозгласила день прибытия Сквайера

⁴² В этом им сопутствовал успех, и сегодня там расположено англоязычное государство Белиз, бывший Британский Гондурас.

⁴³ Леонов Я. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 84.

⁴⁴ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 165.

«днем величайших надежд для Никарагуа»⁴⁵. Сам Сквайер был потрясен таким торжественным приемом, радушием обывателей и тем, что в столице Никарагуа оказывается есть и мощные улицы.

Американский посланник (которого никарагуанские газеты считали «горячим сторонником счастья Никарагуа») был откровенен и раскрыл цель своей миссии прямо на вручении верительных грамот главе государства – событии обычно чисто протокольном. Во-первых, он подтвердил доктрину Монро, заявив, что «Американский континент принадлежит американцам» и что любая попытка посягнуть на интересы любой американской страны будет восприниматься как угроза США. Наверное, никарагуанцам слышать это было приятно – наконец-то, надеялись они, «дядя Сэм» поставит на место «Джона Буля». Но прибыл Сквайер в Никарагуа все же не за этим: «Одной из целью моей миссии является содействие предприятию, важному для всего мира – предприятию, успешное осуществление которого может дать этой стране возможность достичь степени процветания, равной которой не будет в целом мире»⁴⁶. Конечно, Сквайер имел в виду канал и с «радостью» сообщил никарагуанцам, что «инициатива» в этом направлении уже предпринята.

«Верховный директор» ответил, что дружба к США переполняет сердце каждого никарагуанца.

Миссия Сквайера и правда оказалась более чем успешной. 26 августа 1849 года при активном содействии американского дипломата правительство Никарагуа подписало с группой американских бизнесменов во главе с Корнелиусом Вандербильт⁴⁷ соглашение о передаче эксклюзивных прав на строительство трансокеанского канала. Компания должна была заплатить никарагуанскому правительству 10 тысяч долларов сразу же после подписания этого соглашения и выплачивать такую же сумму ежегодно вплоть до введения канала в эксплуатацию. Вандербильту отводилось 12 лет на привлечение инвестиций и постройку канала. Американцы получили и эксклюзивное право на строительство обычных и железных дорог в зоне канала, а также на организацию пароходного сообщения по никарагуанским рекам и озерам. После постройки канала компания Вандербильта гарантировала никарагуанскому правительству 10 % чистой годовой прибыли.

Однако договор с самого начала оказался для Никарагуа невыгодным, хотя и вызвал крайне негативную реакцию Лондона. Вандербильту не удалось собрать необходимые средства. Он оправдывался тем, что озеро Никарагуа якобы недостаточно глубоко, чтобы принимать современные пароходы. Денег никарагуанцы так и не получили. Вандербильт добился от консервативного правительства выделения положений договора о наземном и речном сообщении в отдельную главу. Это означало, что американцы будут не строить канал, а зарабатывать деньги на перевозке людей по существующим рекам и дорогам. Согласившись и на это, Фруто Чаморро 1 мая 1851 года подписал с компаньоном Вандербильта Джозефом Уайтом договор об образовании новой компании «Аксесори Транзит Компани».

Однако далеко не все в Никарагуа разделяли оптимизм консерваторов относительно светлого будущего, основанного на долларах Вандербильта (пока чисто гипотетических). Лидер никарагуанских либералов того времени Франсиско Кастельон был крайне возмущен

⁴⁵ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 171.

⁴⁶ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 173.

⁴⁷ Вандербильт родился в 1794 году. Уже в 16 лет он занялся бизнесом, получив от матери взаймы 100 долларов за то, что вспахал ей 8 акров земли. Так Вандербильт приобрел первую собственность – баржу «Быстроходная», на которой он перевозил пассажиров, беря 18 центов с каждого. Через год сын вернул матери долг. В 22 года у Вандербильта уже было несколько судов и огромный по тем временам капитал в 9 тысяч долларов. Со временем Вандербильт стал крупнейшим судовладельцем США и организатором первых линий регулярного пароходного сообщения.

разнузданным поведением первой группы американцев, появившихся в Никарагуа в 1849 году. Он писал, что сама независимость Никарагуа поставлена под вопрос⁴⁸.

Но казалось, что, по крайней мере, сбывается сценарий успешной борьбы с Лондоном руками Вашингтона. Американцев, облюбовавших Никарагуа для себя, не устраивало какое бы то ни было присутствие англичан в Москитии и тем более в Сан-Хуан-дель-Норте – ключевом порту для компании Вандербильта. 19 апреля 1850 года американский представитель Джон Клейтон подписал с британским представителем Генри Литтоном Бульвером договор. Согласно этому документу обе стороны отказывались от любых территориальных приобретений, «оккупации, строительства укреплений, колонизации» и «доминирования» над Никарагуа, Коста-Рикой, Берегом Москитов и любой иной части Центральной Америки, в том числе и посредством установления протектората или военного союза.

Обе стороны также отказывались от эксклюзивных прав на будущий канал через никарагуанскую территорию, который должен был быть свободен для судов всех стран (причем даже в том случае, если бы США и Великобритания начали войну друг против друга).

Договор Клейтона – Бульвера знаменовал полную капитуляцию Великобритании перед молодым североамериканским хищником. Однако перед ратификацией договора британский премьер Пальмерстон сделал оговорку, что документ не касается британских владений в Гондурасе и их «периферии». Клейтон тоже сделал оговорку, в которой США подтверждали права Лондона на британский Гондурас, под периферией оного понимали только небольшие острова у побережья страны, но никак не территорию любого другого центральноамериканского государства. К тому же Клейтон объявил, что и та и другая оговорки все равно не имеют никакой юридической силы, так как не будут ратифицированы сенатом США.

Никарагуанцев потрясло в договоре Клейтона – Бульвера то, что насчет их страны договаривались без ее участия. К тому же никаких денег компания Вандербильта в никарагуанский бюджет не переводила. Зато для самого Вандербильта Никарагуа стала золотой жилой, которая не снилась ни одному калифорнийскому золотоискателю.

Уже в ноябре 1850 года американцы добирались через территорию Никарагуа за 12 дней (из которых шесть уходило на наземный путь). Такой срок был связан с тем, что первоначально от озера Никарагуа путь золотоискателей лежал в Гранаду и тихоокеанский порт Реалехо, расстояние между которыми составляло около 200 километров, но затем было принято логичное решение переориентировать транспортный поток на гавань Сан-Хуан-дель-Сур. От нее до озера Никарагуа было всего 20 километров. Всего от атлантического Сан-Хуан-дель-Норте до тихоокеанского Сан-Хуан-дель-Сур было 200 миль (примерно 320 километров).

1 января 1851 года на озере Никарагуа появился первый пароход Вандербильта «Директор». Уже в конце года территорию Никарагуа можно было пересечь всего за 24 часа, заплатив за это компании Вандербильта 40 долларов⁴⁹. 14 июля 1851-го Вандербильт торжественно открыл бесперебойное паромное сообщение между Нью-Йорком и Сан-Франциско. 10 дней занимало морское путешествие от Нью-Йорка до Сан-Хуан-дель-Норте. 20 дней уходило на пересечение Никарагуа (главным образом из-за пересадок, которых надо было ждать по нескольку дней). 15 дней пароход шел от Сан-Хуан-дель-Сур до Сан-Франциско (с заходом в мексиканский порт Акапулько). Таким образом, весь маршрут занимал 45 суток (и стоил при самой дешевой каюте 180 долларов), но Вандербильт поклялся, что вскоре сократит его до 25 дней. В августе 1853 года Вандербильт превысил установленную им самим планку, уложившись в 22 дня и 3 часа, а годом позже добраться от Нью-Йорка до Сан-Франциско можно было ровно за три недели.

⁴⁸ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 178.

⁴⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 180.

В 1854 году через Никарагуа каждый месяц переправлялись уже больше тысячи американцев. Причем все они отмечали очень теплое и радушное отношение к ним местного населения.

Однако никарагуанское правительство не получило ни капли из того золотого дождя, который пролился на Вандербильта и в конце концов позволил ему отойти от дел и купить себе роскошную яхту. Служащие компании вообще игнорировали никарагуанских чиновников, ведя себя на территории суверенной страны как дома. 24 апреля 1854 года министр иностранных дел Никарагуа в официальной ноте правительству США жаловался на то, что «служащие компании обращаются с властями республики без должного уважения и приличия... они третируют правительственных чиновников»⁵⁰.

О поведении янки на территории Никарагуа свидетельствует следующий эпизод. В 1854 году на пароходе, шедшем по реке Сан-Хуан, один американец в присутствии консула США в Сан-Хуан-дель-Норте Борланда убил никарагуанца. Однако Борланд заявил, что у полиции города Сан-Хуан-дель-Норте нет никакого права арестовать гражданина США. Не успокоившись на этом, консул попросил президента США прислать в порт военный корабль для защиты американских граждан (!). В июле 1854 года американский корабль обстрелял город из орудий после того, как никарагуанцы отказались выплатить США репарации⁵¹. Это был первый, но, увы, не последний пример пресловутой американской «дипломатии канонерок».

Но власти США, которые в 50-е годы находились под полным контролем политиков из южных штатов, уже решили для себя, что зона будущего канала слишком важна для национальных интересов Америки, чтобы принадлежать какой-то там Никарагуа. К тому же американские транзитеры считали, что столь благодатная земля, которой Всевышний одарил Никарагуа, требует колонизации северной расой и введения рабства. Затем по образцу Техаса можно было бы присоединить наполненную американскими колонистами и их рабами землю к США.

Новый американский посланник в Никарагуа Солон Берланд при вручении верительных грамот 14 сентября 1853 года говорил уже совсем по-другому, чем Сквайер: «Нация, которая занимает такое выгодное географическое положение, не может... владеть этим богатством только и исключительно в своих интересах, закрывая доступ всем остальным»⁵².

В начале 1854 года американцы заставили Никарагуа подписать договор, по которому США получали право на провод своих войск через территорию страны.

В этом же году американцы по образцу вытесненных ими британских коллег попытались приступить к колонизации Никарагуа, хотя договор Клейтона – Бульвера это запрещал. Участник войны против Мексики 1846-1848 годов полковник Уильям Кинней создал «Компанию колонизации Центральной Америки», которая купила у короля Москитии 30 миллионов акров земли в устье реки Сан-Хуан. При этом «короля», который был британской марионеткой, нагло обманули, заключив с ним договор через третьих лиц, так что он и не подозревал, что продает землю американцам.

Правительство Никарагуа в марте 1854 года униженно умоляло США вспомнить о «горячей дружбе» между двумя странами и пресечь деятельность Киннея. Просили никарагуанцы встать на их сторону и своих центральноамериканских соседей. Откликнулась Коста-Рика, которая сама претендовала на устье реки Сан-Хуан. В декабре 1854 года костариканский посланник в Вашингтоне вручил госсекретарю ноту протеста. В ней говорилось, что Коста-Рика не признает никаких индейских королевств и считает любые заключенные ими договоры ничтожными. Костариканцы грозили выгнать любых колонистов силой оружия.

⁵⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 89.

⁵¹ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 23.

⁵² Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 90.

Госсекретарь сообщил, что правительство США не несет ответственности за деятельность частных предприятий.

В этих условиях никарагуанцы решили разыграть карту Лондона против Вашингтона и предложили Великобритании заключить двусторонний договор, по которому принадлежность Берега Москитов пока оставалась неопределенной (Никарагуа надеялась, что тамошние индейцы все равно добровольно присоединятся к республике), а Сан-Хуан-дель-Норте (или Грейтаун, по версии англичан) превращался в свободный порт, открытый для торговли всех стран. Однако Лондон отказался подписывать с Никарагуа какой бы то ни было документ, не упоминавший о Москитии. Правда, встревоженные активностью Киннея англичане побудили свою марионетку «короля» Москитии расторгнуть договор с «Компанией колонизации Центральной Америки».

Сам Кинней получил от правительства США предупреждение, что в случае его конфликта с Великобританией или Никарагуа компания не может рассчитывать на помощь официального Вашингтона. Кинней откровенно лгал, когда утверждал, что на территорию его компании прибудут только мирные колонисты. На самом деле он обещал каждому колонисту 640 акров земли в обмен на обязательство военной службы в течение 12 месяцев. В январе 1855 года Кинней писал одному из будущих колонистов: «Я не думаю, что придется сражаться с оружием в руках, но мы полагаем, что организация такой колонии в этой части мира через несколько лет приведет к контролю над всей Центральной Америкой со стороны американского народа»⁵³. Своему другу Кинней говорил, что ему нужна всего пара сотен американцев, предпочтительно техасцев, чтобы захватить всю Никарагуа⁵⁴.

Упомянутое выше письмо попало в газеты, что вызвало протест никарагуанского правительства. Властям США пришлось начать официальное расследование деятельности Киннея, который обвинялся в подготовке вооруженного нападения на Никарагуа. Тем самым он нарушал закон США о нейтралитете, так как Соединенные Штаты не находились в состоянии войны с Никарагуа. В апреле 1855 года дело было передано в суд, полностью оправдавший бывшего полковника. Однако под давлением никарагуанцев правительство США обязалось силой воспрепятствовать отплытию группы Киннея в сторону Никарагуа. Тем не менее полковник обманул бдительность американских ВМС и сбежал на Ямайку.

Следует подчеркнуть, что мысли Киннея относительно неполноценности всех латиноамериканцев и необходимости для США колонизовать Центральную Америку высшей белой расой разделял весь политический истеблишмент тогдашних США, особенно на рабовладельческом юге страны. Законы США запрещали распространение рабства на северные штаты страны, поэтому плантаторы-южане были ярыми пропагандистами аннексии Кубы и Центральной Америки. Но если Куба находилась под властью европейской державы – Испании, то слабые центральноамериканские страны были, по мнению Вашингтона, легкой добычей.

Посланник США в Никарагуа Джон Хилл Уилер записал в своем дневнике: «Страна должна быть под американским влиянием». Другой американец, Николас Кэрролл, проехавший через Никарагуа в 1855 году, писал в газете «Сакраменто Дейли Юнион», что ему не понравилось в этой благодатной стране только одно: «...неполноценная раса, населяющая ее, которая разорила этот рай. Но теперь грядет другая эпоха – свежие, молодые и энергичные люди той расы, которая везде оставила свой след, и везде этот след хороший»⁵⁵. Через девять

⁵³ Williams W. M. Anglo-American Isthmian diplomacy, 1815-1915. См.: <http://www.ebooksread.com/authors-eng/mary-wilhelmine-williams/anglo-american-isthmian-diplomacy-1815-1915-hci/page-15-anglo-american-isthmian-diplomacy-1815-1915-hci.shtml>.

⁵⁴ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186.

⁵⁵ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186.

дней после написания этого письма «энергичный и свежий» 35-летний Кэрролл умер в Никарагуа от холеры.

Газета «Нью-Йорк Таймс» полностью встала на сторону полковника Киннея с его благородной цивилизаторской миссией: «Центральной Америке предназначено занять влиятельное место среди семьи наций мира, если ее преимущества местоположения, климата и почвы будут облагорожены нордической расой, которая заменит темнокожую, нечистокровную и находящуюся в упадке расу, которая сейчас является для этой земли проклятием»⁵⁶. Газета желала успехов «полковнику Киннею и его друзьям». Как видно, взгляды Адольфа Гитлера появились отнюдь не на пустом месте.

Мнение газет и всякого рода «путешественников» разделял и президент США Пирс, хотя высказывался он, конечно, более обтекаемо: «Сложно предложить любой другой объект для интереса внутреннего и внешнего, более важный для Соединенных Штатов, чем транспортное сообщение и коммуникация между восточным и западным побережьем (США)»⁵⁷.

Неудивительно, что американские посланники в Никарагуа в начале 50-х годов стали сообщать в Вашингтон о враждебности к США никарагуанского правительства и большинства населения.

Но на руку американцам играла сохранявшаяся политическая нестабильность в Никарагуа, где либералы (их называли еще демократами, или Народной партией) и консерваторы (легитимисты) продолжали соперничать друг с другом. Чтобы покончить со старинной враждой между либеральным Леоном и консервативной Гранадой, верховный директор, консерватор Хосе Пинеда в 1852 году перенес столицу из Леона в Манагуа⁵⁸. Однако народное восстание под руководством либералов вернуло столицу на прежнее место. Пинеда подавил восстание с помощью войск из Гондураса.

В 1853 году консерватор Фруто Чаморро, лидер гранадской олигархии, был избран верховным директором. Либеральная партия не признала результатов голосования ввиду многочисленных подлогов и фальсификаций. В ответ Чаморро попросту выслал лидеров либералов, в том числе и своего соперника на выборах Франсиско Кастьяна, из страны.

22 января 1854 года Чаморро опять предложил изменить конституцию 1838 года и расширить полномочия верховного директора, которого предлагалось переименовать в президента, а государство Никарагуа – в Республику Никарагуа. Срок полномочий главы государства продлевался с двух до четырех лет. Но главное – президент получал право ликвидировать гражданские свободы в случае угрозы внутренней безопасности государства. К тому же по новой конституции увеличивался имущественный ценз для избирателей, что лишало права голоса тысячи никарагуанцев⁵⁹. Наконец, в новом проекте конституции уже не содержалось положения о защите общинного землевладения.

Либералы, в общем справедливо, расценили эти новации как попытку установления постоянной диктатуры консерваторов. Возражали либералы и против переименования страны. В их рядах было много последователей Морасана, мечтавших о восстановлении сильной и единой центральноамериканской федерации. Эта идея казалась тем более актуальной на фоне предсказанного Морасаном роста экспансионизма США в Латинской Америке. Переименование же Никарагуа в республику означало окончательное закрепление независимости и отказ

⁵⁶ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186-187.

⁵⁷ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 187.

⁵⁸ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 23.

⁵⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 190.

от всех планов по восстановлению центральноамериканского единства. Причем именно так изменение названия страны и обосновал Чаморро.

28 февраля 1854 года парламент Никарагуа санкционировал изменение названия главы государства. 30 апреля Чаморро подписал закон о введении новой конституции в силу. Либералы ответили на это призывом к общенародному восстанию против правительства.

5 мая группа либералов во главе с ветераном гражданской войны 1845-1849 годов генералом Максимо Хересом высадилась в порту Реалехо. В этот же день северную границу страны перешел со своим отрядом Франсиско Кастельон, объявивший себя законным президентом страны. Никто не ожидал, что новая война затмит по ожесточенности все предыдущие сражения и что сама независимость Никарагуа окажется в смертельной опасности.

Солдаты армии либералов имели в качестве знака отличия красные ленты, консерваторы – белые.

К началу войны в Никарагуа, по данным бывшего посланника США Сквайера, жили примерно 300 тысяч человек, 30 тысяч из которых были белыми, 18 тысяч – неграми, 96 тысяч – индейцами и 156 тысяч – метисами⁶⁰. В самом большом городе страны Леоне насчитывалось 35 тысяч жителей, в Гранаде – 15 тысяч, в Ривасе – 4 тысячи.

Максимо Херес выпустил манифест, в котором объявлял президента Чаморро низложенным, а новую конституцию отмененной.

Участие иностранцев в никарагуанских гражданских войнах было делом обычным, причем, как правило, интервенты поддерживали консерваторов. Вот и теперь Чаморро призвал на помощь гватемальские войска уже упоминавшегося выше диктатора Карреры. Но на сей раз прибегнуть к внешнему содействию решили и либералы.

В декабре 1854 года Кастельон подписал соглашение с американским журналистом Байроном Коулом, которого финансировали два агента компании Вандербильта. Коул обязался предоставить в распоряжение либералов 200 вооруженных американцев, которым после победы либералов гарантировались земельные участки в северных департаментах Сеговия и Матагальпа. Эти департаменты были малонаселенны и покрыты труднопроходимыми лесами, и Кастельон рассчитывал, помимо всего прочего, на то, что американцы примут участие в их освоении⁶¹.

Американские наемники должны были прибыть в Никарагуа через 40 дней после подписания соглашения. Либералы гарантировали для каждого американца ежедневное питание, включая мясо. С юридической точки зрения американцы должны были рассматриваться как никарагуанские граждане и подчиняться всем законам страны.

Коул обратился к уже известному тогда своими «подвигами» американскому флибустьеру Уильяму Уокеру.

Уокер был южанином не только по рождению, но и по убеждению. Он родился 8 мая 1824 года в Нэшвилле (штат Теннесси) в семье банкира. Уокер был человеком явно талантливым и уже в 14 лет с отличием окончил университет Нэшвилла. Потом в течение двух лет он обучался медицине в лучших университетах Европы – Эдинбурге (его дед был шотландцем), Геттингене, Гейдельберге и Париже. Во время пребывания юноши в Европе Старый Свет захлестнула волна революций 1848 года, которые побудили Уокера заинтересоваться политикой. Он читал Гарибальди, Мадзини, Маркса и Луи Блана. Именно с тех пор Уокер стал восхищаться смелыми одиночками вроде Гарибальди, которые с небольшой группой соратников могли изменить судьбы целых народов.

В 19 лет Уокер получил диплом врача, но, видимо, участь чеховского Ионыча его не привлекала, и он отправился в Новый Орлеан учиться праву. Там же он подвизался на жур-

⁶⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 37.

⁶¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 97–98.

налистском поприще вместе с Уолтом Уитменом. Так же как и многие другие, не нашедшие себя в этой жизни американцы, Уокер в 1849 году перебрался в Калифорнию. Золота там он не добыл, зато поучаствовал в трех дуэлях, в двух из которых его ранили.

В Калифорнии Уокер решил повторить подвиг Гарибальди и завоевать приграничные с США мексиканские штаты Нижняя Калифорния и Сонора. Там он хотел создать свое государство и заселить его американскими колонистами. Потом по образцу Техаса 1836 года новую республику, причем обязательно рабовладельческую, можно было присоединить к США.

Сама идея казалась привлекательной – только что Мексика проиграла войну в США, и в ней, как и в Никарагуа, воевали между собой либералы и консерваторы.

В 1853 году президент США Пирс⁶² потребовал у Мексики уступки еще одной порции территории, по которой должна была проходить трансконтинентальная железная дорога между западным и восточным побережьем Соединенных Штатов. Под угрозой войны мексиканцам пришлось продать за 10 миллионов долларов 45 тысяч квадратных миль.

Уокер решил не отставать от своего президента и приехал в Мексику, чтобы попросить у ее правительства разрешения на заселение северных штатов страны американскими колонистами, якобы для предотвращения набегов индейцев на южные штаты США. Получив отказ, Уокер вернулся в Калифорнию и решил захватить Нижнюю Калифорнию и Сонору силой.

15 октября 1853 года он с 45 добровольцами высадился в Нижней Калифорнии и захватил столицу штата Ла-Пас. Там Уокер провозгласил создание независимой Республики Нижняя Калифорния, а себе присвоил титул президента. В новой «республике» были введены законы штата Луизиана, включая рабовладение. Получив подкрепление из числа незадачливых золотоискателей и авантюристов, Уокер пытался завладеть и Сонорой, что ему не удалось.

Мексиканское правительство перебросило из Акапулько части федеральной армии с артиллерией. С февраля 1854 года флибустьерам пришлось вести тяжелые оборонительные бои против регулярной армии и мексиканского ополчения.

8 мая вместе с 33 уцелевшими спутниками Уокер бежал на территорию США. Его отдали под суд, но, естественно, оправдали. Зато Уокер добился, наконец, того, о чем мечтал всю жизнь, – всеамериканской славы. О нем восторженно писали газеты и даже ставились театральные пьесы.

Именно к этому человеку и обратился от имени никарагуанских либералов Коул в декабре 1854 года.

3 мая 1855 года Уокер с 58 флибустьерами отплыл из Сан-Франциско в Никарагуа. Свое воинство он гордо именовал «Американской фалангой» (явно сравнивая себя с Александром Македонским) или «Бессмертными» (так называлась гвардия противника греков и македонцев персидского царя Дария). 13 июня 1855 года (по другим данным – 10 июня) уокеровцы высадились в тихоокеанском порту Реалехо, где выпили все запасы спиртного. Их, естественно, потянуло на женский пол, и еще долго в Реалехо рождались светловолосые дети.

Правительство либералов пожаловало Уокеру участок в 52 тысячи акров.

Газета «Нью-Йорк Геральд» писала: «Благодаря полковнику Уокеру⁶³ мы скоро отделаемся от многих бесполезных бездельников. Вот уже два года как на углах главных улиц Нью-Йорка и около общественных зданий собираются толпы бродяг и лоботрясов, приехавших из разных концов страны. Эта порочная толпа состоит из директоров лопнувших банков, отставных генералов и разложившихся попов. На их лицах застыл ужас, который им внушает честный труд. Эти люди без благородных намерений, без энергии, без профессии... обивают углы,

⁶² Пирс имел к Латинской Америке непосредственное отношение. Он пошел добровольцем на войну против Мексики в 1846 году и получил чин бригадного генерала. Будущий президент участвовал в штурме Мехико, где его свалила дизентерия. Был избран президентом в 1852 году от Демократической партии, выступавшей тогда за сохранение и распространение рабства. Став президентом, предложил Испании продать Кубу США за 120 миллионов долларов.

⁶³ Чин полковника никарагуанской армии Уокеру 20 июня 1855 года присвоили либералы.

как голодные волки, в надежде, что вспыхнет мятеж или пожар, чтобы дать волю своим грабительским инстинктам»⁶⁴.

Конечно, Уокера меньше всего интересовала победа никарагуанских либералов. Один из его спутников говорил, что миссией отряда является спасение никарагуанцев от тирании дикости и невежества. Уокер хотел завладеть не только Никарагуа, но и всей Центральной Америкой. Неслучайно его девизом была фраза «Все пять или ни одной!» (имелись в виду пять центральноамериканских республик).

Первым делом Уокер решил захватить тихоокеанский порт Сан-Хуан-дель-Сур, чтобы поставить под контроль компанию Вандербильта и заставить миллионера поделиться доходами. Под своим началом новоиспеченный полковник собрал около 100 американцев и 170 никарагуанцев. По пути Уокер с согласия Кастельона решил захватить Ривас. Однако консерваторов предупредили (возможно, британский консул в столице либералов – Леоне), и они неплохо подготовились к отражению атаки, соорудив баррикады. 29 июня 1855 года отряд «бессмертных» Уокера численностью чуть более 300 бойцов пошел на штурм Риваса (у консерваторов имелось примерно 500 бойцов), но был отбит.

Обе стороны понесли значительные потери. Были убиты шестеро американцев, двенадцать – ранено. Пятерых раненых пришлось оставить в Ривасе, где их казнили. Таким образом, сражение стоило Уокеру одной пятой его отряда. Консерваторы потеряли примерно 70 человек убитыми и столько же ранеными⁶⁵.

Следует отметить, что в Ривасе против американцев одинаково героически сражались и местные консерваторы, и либералы. Никарагуанцы из армии либералов, пришедшие вместе с Уокером в Ривас, фактически отказались сражаться и предоставили флибустьеров их собственной судьбе. К тому же на помощь консерваторам из Сан-Хуан-дель-Сур пробившись 80 бойцов полковника Аргуэльо, которые отрезали никарагуанских либералов от американцев.

Уокеру пришлось отступить в Сан-Хуан-дель-Сур, но там не оказалось его брига «Веста», и флибустьеры конфисковали костариканскую шхуну, чтобы покинуть порт. В это время два пьяных американца подожгли бараки никарагуанской армии, и Уокер приказал их расстрелять. Одновременно Уокер приятно поразил местных жителей, приказав ухаживать за ранеными солдатами противника.

Уокер подозревал, что консерваторов в Ривасе предупредил командующий либеральной армией Муньос, который не скрывал своей ненависти к наемникам-гринго. 2 июля 1855 года Муньос писал президенту Сальвадора Сан Мартину, что не смирится с американским присутствием в Никарагуа⁶⁶. Но 18 августа 1855 года Муньос неожиданно погиб в бою, причем ходили слухи о покушении. Уокер выдвинулся на лидирующие позиции в командовании либеральной армии, и к нему присоединился даже соратник народного героя Бернабе Сомосы Хосе Мария Валье.

На стороне либералов воевал и прусский офицер Бруно фон Нацмер, давно живший в Никарагуа.

Пока Уокер приходил в себя после поражения под Ривасом, армия консерваторов в количестве не менее 1000 человек под командованием генерала Корраля вышла из Гранады в направлении столицы либералов Леона. Вскоре Корраль достиг Манагуа. До Леона ему оставалось всего два дневных перехода. Казалось, что война уже проиграна, но неожиданно среди солдат Корраля вспыхнула холера, и им пришлось отойти назад к Гранаде.

⁶⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 99.

⁶⁵ *Lucas D.* Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 42.

⁶⁶ *Burns B. E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 197.

Но Уокер и не собирался спешить на помощь либералам в Леоне. Главным для него было установить прочный контроль над транзитным трансокеанским маршрутом на юге Никарагуа, ибо только так он мог получать пополнение людьми и боеприпасами из США.

Уокер привык к поражениям, и, пополнив свою армию новыми американскими флибустьерами, он неожиданным для консерваторов маневром с моря занял 29 августа город Сан-Хуан-дель-Сур. На сей раз никарагуанцы под командованием бывшего соратника Сомосы Валье (примерно 170 человек) дезертировать не собирались и рвались в бой.

Далее Уокер двинулся на городок Ла-Вирхен, где нанес консерваторам первое поражение. На сей раз он сам поджидал противника в городке на заранее подготовленных оборонительных позициях. Была рассеяна армия в 600 человек (из них 60 погибли), причем Уокер не потерял ни одного американца убитым, хотя сам был дважды ранен. Также получили ранения три или четыре его сторонника. Среди либералов-никарагуанцев были убиты два и ранены три человека. «Фаланга» захватила 150 ружей. Эта победа подняла военную репутацию Уокера, тем более что он сам вел своих людей в бой и приказал не добивать раненых и пленных, что было для Никарагуа того времени обычным делом.

Тем временем скончался Кастельон и новым временным главой либерального правительства стал Насарио Эското.

После горьких уроков Риваса Уокер решил больше не принимать в свой отряд мобилизованных никарагуанцев, опираясь только на добровольцев. Но таковых было мало, за исключением отряда Валье. К концу сентября у Уокера имелось около 60 американцев, но 3 октября прибыл новый свежий отряд из Калифорнии в количестве 35 человек.

Уокер и далее продолжил воевать скорее маневром, чем прямыми боестолкновениями. Он захватил обычный рейсовый пароход компании Вандербильта и 13 октября 1855 года ударом с озера Никарагуа занял столицу консерваторов Гранаду, в то время как основная армия противника продолжала ждать его в Ривасе. В плен к Уокеру попали почти все правительство и члены семей многих министров. Уокер потребовал немедленной капитуляции армии консерваторов, угрожая расстрелом пленных. Его послание Корралю вызвался передать посланник США в Гранаде Уилер.

После захвата Гранады Уокер в присущем ему цветистом стиле обратился с манифестом к никарагуанскому народу: «Я заинтересован в сохранении интересов государства, в защите интересов рабочих, безопасности граждан, развитии искусства, науки, сельского хозяйства и т. п. и в поддержании порядка... Я продолжу захват других городов страны и предам смерти каждого, кто осмелится оказать сопротивление имперскому маршу моих войск...»⁶⁷ Уокер чувствовал себя теперь увереннее, тем более что к нему прибыли еще 60 американцев из Калифорнии.

Консерваторы решили сорвать зло на компании Вандербильта, так как ошибочно полагали, что Уокер является ее ставленником. Отряд консерваторов вошел в порт Ла-Вирхен и расстрелял трех американцев, служащих компании Вандербильта. В ответ Уокер с неслыханной для того времени жестокостью приказал казнить 22 октября 1855 года попавшего в его руки министра иностранных дел консервативного правительства Матео Майоргу.

Консерваторы, как и все общественное мнение Никарагуа, были так потрясены этим, что предпочли сложить оружие. Либералы предложили Уокеру стать президентом Никарагуа, но тот отказался, зато предложил кандидатуру лидера консерваторов Корраля (предварительно согласованную с американским посланником Уилером). Но Корраль тоже отказался от сомнительной чести.

⁶⁷ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 207.

23 октября 1855 года «миротворец» Уокер продиктовал обеим воюющим сторонам «мирный договор», который вместе с Корралем торжественно поклялся соблюдать, преклонив колени.

Формально новое единое правительство Никарагуа должно было стать непартийным. Пост президента занял известный либерал Патрисио Ривас, а главнокомандующий армией консерваторов Корраль стал военным министром. Обе стороны сокращали свои вооруженные силы до 150 человек. Командующим армией стал сам Уокер. Вместо привычных красных и белых лент противоборствующих сторон солдаты единой армии должны были носить голубые ленты цвета национального флага. Всего в армии насчитывалось примерно 600 человек, включая американцев.

Четыре других министра формально представляли не партии, а департаменты страны.

Пятым министром стал соратник Уокера Паркер Френч, которому доверили финансы. Это было все равно, что назначить известных гангстеров Бонни и Клайда директорами банков. Френча разыскивали в штатах Миссури и Техасе за финансовое мошенничество, в Мексике он был замешан в грабежах. Были у него нелады с законом и в Калифорнии⁶⁸.

Корраль понимал, что пройдет немного времени – и Уокер формально захватит и так фактически принадлежащую ему власть в стране. Он тайно обратился за помощью к президенту Гондураса Гуардиоле. Но письмо было перехвачено агентами Уокера, и старого генерала 8 ноября 1855 года расстреляли по приговору «суда». Даже этот «суд», составленный из наемников Уокера, рекомендовал помиловать генерала, но тщетно. Дочери генерала упали перед Уокером на колени, но и это не изменило участи Корраля.

К Уокеру все время прибывало пополнение из США, и вскоре его «фаланга» превосходила по численности сильно урезанную мирным договором регулярную армию. К ноябрю 1855 года у Уокера было уже 600 бойцов – солидная сила по центральноамериканским меркам.

Уокер быстро испортил отношения с пригласившими его либералами. Он отказался помочь вернуться к власти экс-президенту Гондураса Тринидаду Кабаньясу, который сам ранее помогал никарагуанским либералам. Уокер и не подозревал, что этот шаг будет стоить ему жизни. Подал в отставку с поста министра иностранных дел соратник Морасана, ветеран либеральной партии Максимо Херес.

Председатель консервативной партии Хосе Мария Эстрада призвал продолжить вооруженную борьбу против флибустьеров. Он призвал помочь Никарагуа все остальные центральноамериканские страны.

Между тем Уокер приступил к реализации своих планов по превращению Никарагуа в американскую колонию. 23 ноября 1855 года был издан декрет, который гарантировал всем поселенцам-иммигрантам по 250 акров земли, а семейным – по 350 акров. Уокер открыто говорил, что заставит всех индейцев и метисов покинуть Никарагуа, а их место займут представители высшей белой расы. На белых колонистов, естественно, должны были работать негры-рабы. Уже через три месяца после принятия декрета в стране насчитывалось 1200 американцев. Около 400 человек из них вовсе не собирались заниматься сельским хозяйством и пополнили ряды армии Уокера. Теперь иностранцев в никарагуанской армии было 1300 человек⁶⁹. С такими силами можно уже было затевать агрессию против соседних государств.

Особенно сильно волновалась самая слабая центральноамериканская страна – Коста-Рика. Ее правительство устами посланника в Вашингтоне Луиса Молины официально обратилось с просьбой к Англии, Франции и Испании прислать военные корабли в устье реки Сан-Хуан, чтобы предотвратить возможную высадку флибустьеров на костариканской территории.

⁶⁸ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 198.

⁶⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 104.

10 ноября 1855 года Молина писал своим европейским коллегам: «Вне всяких сомнений, североамериканцы одержимы ненасытной жадой к захватам и обогащению. Эта страсть постоянно побуждает их к экспансии, и, кажется, всякие представления о справедливости и несправедливости у них либо совсем исчезли, либо искажены до неузнаваемости»⁷⁰. Однако Англия и Франция вели тяжелую Крымскую войну против России, и им было не до Коста-Рики.

Тогда костариканцы решили разделаться с флибустьерами Уокера своими силами, надеясь все же на поддержку других центральноамериканских государств. 20 ноября президент Коста-Рики Хуан Рафаэль Мора обратился к народу с воззванием, в котором охарактеризовал «бессмертных» Уокера как «банду авантюристов» и «подонков человечества». Мора заявил, что Уокер готовит вторжение в Коста-Рику и необходимо предупредить его и дать бой на никарагуанской территории.

Следует отметить, что в то время в Коста-Рике проживали всего около 100 тысяч человек, а бюджет страны не превышал 260 тысяч песо. Поэтому Мора решил создать союз всех центральноамериканских стран против флибустьеров. Он начал переговоры с соседями Никарагуа, и Гватемала сразу пообещала вступить в войну против Уокера вместе с Коста-Рикой. Гондурас и Сальвадор заявили, что если Коста-Рика и Гватемала начнут войну, то они к ним присоединятся.

Посланник США в Никарагуа Уилер был южанином и горячим сторонником идей Уокера. Он систематически дезинформировал госдепартамент, сообщая, что при помощи Уокера в Никарагуа наконец-то воцарился внутренний мир. Через два дня после расстрела Корраля Уилер без согласования с Вашингтоном признал составленное Уокером правительство. Госдепартаменту пришлось срочно дезавуировать своего представителя. Интересно, что поддержала Уокера и католическая церковь, щедро ссужая его деньгами. Один из самых лучших ораторов Гранады падре Аугустин Вихиль назвал Уокера «ангелом-хранителем» Никарагуа и «Северной звездой». В благодарность за это Уокер назначил Вихиля посланником в Вашингтоне.

Уокер основал собственную газету «Никарагуанец», выходящую каждую субботу. Там он тешил свои журналистские амбиции, прославляя себя в третьем лице и скромно величая «светлоглазым человеком Провидения».

Был у Уокера и еще более мощный покровитель – Вандербильт. Именно его компания предоставила Уокеру пароход, на котором была захвачена Гранада. Добровольцев Уокеру из Сан-Франциско Вандербильт перевозил бесплатно. В 1855 году Вандербильт отбыл в Европу. За время его отсутствия служащие компании Гаррисон и Морган прибрали акции компании к своим рукам и нанесли ее владельцу большой финансовый ущерб. Вернувшийся Вандербильт был взбешен и стал угрожать своим бывшим компаньонам полным разорением. В ответ те в декабре 1855-го обратились к Уокеру и предложили, чтобы тот передал им компанию Вандербильта. Предлогом послужило то, что Вандербильт не платил никарагуанскому правительству согласованной в договоре суммы.

18 февраля 1856 года Уокер представил на подпись Ривасу декрет, отзывающий лицензию у компании Вандербильта на том основании, что она задолжала правительству 412489 долларов⁷¹. Имущество компании переходило правительству Никарагуа как залог впредь до уплаты долга. Таким образом, деятельность Вандербильта парализовалась и его место должна была занять новая компания во главе с Морганом и Гаррисоном. Вандербильт был потрясен черной неблагодарностью человека, которому он так помог. Миллионер немедленно прекратил

⁷⁰ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 42.

⁷¹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 201.

рейсы пароходов в Никарагуа, переключив весь транспортный поток на Панаму. Через шесть недель блокады Уокер почувствовал недостаток в снабжении своих войск.

Морган смог подготовить свой первый пароход к рейсу из Нью-Йорка только 8 апреля 1856 года. Но Вандербильт не успокоился и направил своего агента в Гранаду с указанием всячески способствовать разладу между Уокером и никарагуанским правительством. Тогда Уокер передал все имущество Вандербильта в Никарагуа его конкурентам – Гаррисону и Моргану.

Между тем уже упоминавшийся выше полковник Кинней перебрался с Ямайки в Сан-Хуан-дель-Норте и провозгласил себя «губернатором» восточного побережья Никарагуа. Однако его люди дезертировали к более удачливому Уокеру. Кинней послал к лидеру «фаланги» эмиссаров с предложением объединить силы. Не страдавший отсутствием самоуверенности Уокер попросил передать «губернатору, полковнику или как он там себя еще называет» Киннею, что если тот попадет ему в руки, то будет немедленно повешен. Посланцы полковника не замедлили присоединиться к «фаланге».

14 февраля 1856 года Киннея выслали из страны по требованию главнокомандующего никарагуанской армией полковника Уокера. Позднее он был убит во время борьбы за пост губернатора Техаса.

Зато угрозу костариканцев уже битый в Мексике Уокер воспринял более чем серьезно. 12 февраля 1856-го он отправил в Коста-Рику мирную делегацию, в задачу которой входило убедить Мору в исключительно благородных намерениях флибустьеров. Но Мора прекрасно понимал, с кем имеет дело, и уже 26 февраля получил у парламента чрезвычайные полномочия на случай войны. Был выпущен чрезвычайный заем на 100 тысяч песо, причем те костариканцы, чей ежегодный доход превышал 100 песо, а также те, кто имел собственный дом, должны были подписаться на этот заем в обязательном порядке⁷².

1 марта Коста-Рика объявила Никарагуа войну, а уже 4 марта костариканская армия численностью 2500 человек перешла границу и двинулась в направлении Риваса. В своем воззвании Мора сказал: «Соотечественники! К оружию! Пришло время, о котором я говорил вам. Мы отправляемся в Никарагуа, чтобы покончить с бесчестным сбродом, который обрек эту страну на мучительное рабство. Мы выступаем, чтобы воевать за свободу наших братьев...»⁷³

Президент Коста-Рики поднял черный флаг – по обычаям того времени, это означало, что пленных брать не будут. Правда, костариканцы обещали жизнь любому флибустьеру, который перейдет на их сторону с оружием в руках.

Костариканская армия фактически представляла из себя необученное ополчение вчерашних мирных граждан. Еще хуже дело обстояло с вооружением. У костариканцев были только кремневые ружья, на перезарядку которых уходило много столь ценного в бою времени. Напротив, у американцев были современные винтовки, и частота их огневых залпов в разы превышала огневую мощь противника. В этих условиях костариканцы могли надеяться в наступлении только на штыковую атаку.

Уокер мог реально положиться только на 600 своих флибустьеров, но его «армия» еще и таяла с каждым днем от эпидемии холеры. 9 марта прибыли еще 250 добровольцев. Многие никарагуанские либералы восприняли действия костариканской армии как агрессию и выразили желание сразаться с интервентами. В ответ на это Уокер перенес столицу страны в либеральный Леон, снова сделал красный флаг либералов национальным стягом армии Никарагуа и 11 марта 1856 года объявил войну консерваторам.

Уокер решил ответить Коста-Рике собственным вторжением и направил к границе батальон, составленный из американцев (две роты), немцев (рота), испанцев и французов (примерно 300 бойцов). Дисциплиной эти четыре роты не отличались и продвигались вперед без

⁷² Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 45.

⁷³ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 45.

всякой разведки. Командовал батальоном «полковник» Луи Шлезингер, которого ранее Коста-Рика отвергла как дипломатического представителя Уокера. Он желал расквитаться с неблагодарными костариканцами как можно быстрее. У местечка Санта-Росас на костариканской территории батальон попал в засаду, устроенную примерно тремя тысячами костариканцев. Бой длился пять минут, после чего напуганный молодецкой штыковой атакой костариканцев батальон позорно бежал. Костариканцы расстреляли два десятка пленных. Шлезингер удрал с поля боя и был предан Уокером военному суду.

Расстрел пленных вызвал яростный демарш американского посланника в Никарагуа Уилера, который грозил президенту Коста-Рики Море «решительными мерами» США по защите жизни своих граждан.

Между тем армия Коста-Рики перешла границу и перерезала транзитный межокеанский маршрут. 8 апреля 1856 года три сотни костариканцев во главе с майором Максимо Бланко заняли город Сан-Хуан-дель-Сур. Таким образом, жизненно важная для Уокера артерия снабжения оказалась под контролем противника, и отбить ее стало вопросом жизни и смерти. Хотя Морган и Гаррисон пока еще не смогли наладить пароходное сообщение вместо Вандербильта, но обещали сделать это на днях.

30 марта 1856-го Уокер сконцентрировал всю свою армию в Ривасе.

Глава флибустьеров решил использовать свой излюбленный маневр. Он посадил свой отряд из Риваса на пароход и 5 апреля отплыл прочь в Гранаду, надеясь, что костариканцы воспримут это как попытку вторжения на свою территорию и отведут войска из Никарагуа. После блокады Вандербильта охранять транзитный путь было бессмысленно, а с севера угрожали вторжением гватемальцы.

Но костариканцы подумали, что Уокер вообще решил покинуть Никарагуа, и удвоили усилия. Мора не испугался, и костариканцы заняли Ривас. Причем «бедному» Вандербильту досталось и от них – солдаты Моря сожгли верфи транзитной компании.

Уокеру ничего не оставалось, как отбить Ривас обратно и преградить дорогу врагу у столь несчастливой для него города. Он ускоренным маршем двинул к Ривасу 600 своих американцев и 11 апреля неожиданно напал на спящую костариканскую армию (по данным самого Уокера – примерно 3 тысячи человек, но, по всей вероятности, эта цифра преувеличена). Однако это оказались лишь передовые заслоны. Когда части Уокера ворвались в Ривас, костариканцы уже проснулись и с крыш начали метким огнем отстреливать флибустьеров. Потом они подожгли дома вокруг позиций американцев, и положение уокеровцев стало отчаянным. Бой продолжался около 20 часов.

Национальным героем Коста-Рики и по сей день считается 25-летний солдат-барабанщик Хуан Санта-Мария, который был послан в разведку и погиб, успев поджечь один из укрепленных домов флибустьеров.

Только ночью, потеряв 120 человек (58 убитыми и 62 ранеными) и бросив часть раненых, которых добились костариканцы, части Уокера смогли вырваться из пылающего Риваса.

Советники Моря настаивали на немедленном преследовании, чтобы покончить с Уокером. Но президент решил, что армии надо отдохнуть и с честью похоронить павших, тем более что остальные центральноамериканские страны все еще медлили с реальным началом боевых действий.

Костариканцы потеряли в бою около 600 человек (200 убитыми и 400 ранеными). Мора запретил солдатам писать письма домой, чтобы не волновать мирное население рассказами о реальном положении дел. К тому же неожиданно на помощь Уокеру пришла чума, начавшая косить ряды костариканской армии (первый солдат заболел 20 апреля). Море пришлось отдать приказ об отступлении на свою территорию. Жертвами чумы в мае – июне 1856 года стали

примерно 12 тысяч человек – в основном мирных жителей⁷⁴. Погиб каждый десятый костариканец. Против Моры даже возник заговор, но его удалось предотвратить.

Костариканский президент удвоил усилия по привлечению союзников к борьбе против Уокера. Он писал своим посланникам в Гватемале и Сальвадоре: «В Соединенных Штатах уже продаются акции на владение территорией Центральной Америки, которую Уокер намерен захватить. Во всяком случае, они смогут покорить земли Коста-Рики, лишь когда умрет последний из ее жителей»⁷⁵.

Уокер расценил чуму как «помощь Провидения». Между тем в Леоне зрел заговор против самого Уокера, а костариканцы активно пытались купить оружие в Англии для продолжения войны.

5 мая 1856 года границу Никарагуа перешли гватемальские войска. Армия Гватемалы мирного времени являлась самой крупной в Центральной Америке и насчитывала примерно 1550 человек, а при мобилизации ее легко можно было развернуть в 10-тысячный контингент.

Однако Уокер не волновался: 15 мая его режим фактически признали США. В послании конгрессу США президент Пирс писал: «Поскольку республика Никарагуа в политическом смысле слаба и ее население истощено вследствие длительной гражданской войны между партиями, ни одна из которых не была достаточно сильной для одержания победы или поддержания постоянного внутреннего порядка, одна из борющихся партий республики обратилась за помощью и содействием к небольшой группе граждан Соединенных Штатов в штате Калифорния, появление которой, кажется, положило конец гражданской войне и одновременно восстановило порядок на всей территории Никарагуа... Неизменной политикой Соединенных Штатов было признание всех правительств, не вдаваясь в их происхождение или организацию, а также в средства, с помощью которых правители добиваются власти, если только эти правительства – фактические правительства. Для нас безразлично, содействовала ли победоносной революции иностранная интервенция или нет...»⁷⁶

В тот же день Пирс принял посланника Уокера. Однако костариканский посланник в Вашингтоне организовал мощный бойкот Вихилия, и тому пришлось самому снять с себя все полномочия и покинуть США.

В апреле 1856 года к Уокеру прибыли 220 новых добровольцев из США, что с лихвой возместило потери в Ривасе. Но с севера над Уокером сгустились тучи. Гватемальский диктатор Каррера решил вмешаться в никарагуанскую войну на стороне консерваторов.

4 июня 1856 года Уокер торжественно вернулся в Леон, где многие приветствовали его как избавителя от костариканских агрессоров. Между тем в стране происходили выборы президента, но Уокер решил, что теперь он и сам как «спаситель отечества» может занять этот пост. Поэтому он попросту отрешил временного президента Риваса от должности, и тот вместе с правительством бежал на север страны.

25 июня сам Ривас отрешил главнокомандующего никарагуанской армией Уокера от должности и объявил его изменником и узурпатором. Уокер, тем не менее, вступил в избирательную кампанию (финальный тур президентских выборов был назначен на 29 июня). Избирательные участки открылись только в контролируемых флибустьерами Гранаде, Ривасе и Масайе. Естественно, все солдаты Уокера стали никарагуанскими гражданами.

«Выборы», как и ожидалось, принесли победу Уокеру, который набрал 15 835 голосов из 23 236⁷⁷. 12 июля состоялась инаугурация, но новый президент не владел государственным

⁷⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 107.

⁷⁵ *Гамбоа Ф.* Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 47.

⁷⁶ *Медина М.* Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 211.

⁷⁷ *Burns B. E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 203.

испанским языком и произнес текст присяги по-английски. Интересно, что Уокер распорядился дополнить сине-бело-синий флаг Никарагуа красной пятиконечной звездой.

В конце июня – начале июля 1856 года к «президенту» Уокеру прибыли еще 200 новых искателей приключений из США. Также Уокер захватил костариканскую шхуну «Сан-Хосе» и превратил ее в первый корабль ВМС Никарагуа «Гранада». На корабле даже были установлены две шестифунтовые пушки.

14 июля Уокер издал декрет, по которому в стране отныне можно было пользоваться как английским, так и испанским языком. К тому же все никарагуанцы должны были в течение шести месяцев предъявить и зарегистрировать у властей документы на владение землей. При этом у большинства населения таких документов не было вообще. Уокер стал активно конфисковывать земли «врагов нации» (то есть всех, кто был не на его стороне) и раздавать их своим флибустьерам в обмен на «военные расписки». Олигархи с ужасом наблюдали, как их исконные поместья переходят в руки иностранных солдат удачи.

Но сами флибустьеры, конечно, трудиться не желали, и 22 сентября 1856 года Уокер восстановил в Никарагуа рабство. Он, говоря о себе в третьем лице, писал: «По этому декрету должно судить об администрации Уокера, ибо он был ключевым для всей его политики... От восстановления африканского рабства здесь зависит постоянное присутствие в этом регионе белой расы»⁷⁸.

Свой шаг (кстати, противоречивший никарагуанской конституции) Уокер аргументировал тем, что испанцы в свое время плохо обошлись с «бронзовой» расой (индейцами), заставляя их работать на своих плантациях. Теперь индейцев надо освободить от тяжелого труда и взвалить его на «разжиревших от безделья негров». Таким образом, американский флибустьер хотел использовать в своих целях давнюю расовую неприязнь между индейцами и неграми. В духе модных тогда на американском Юге взглядов Уокер считал рабство чуть не благодеянием для негров. Мол, рабы в южных штатах США живут гораздо лучше, чем их свободные темнокожие товарищи в Бразилии или на Кубе.

Мнение Уокера разделял и американский посланник в Никарагуа Уилер, полагавший, что развитие Никарагуа без рабства невозможно⁷⁹. К счастью для Никарагуа, декрет Уокера так и остался на бумаге.

Инаугурация Уокера заставила никарагуанских консерваторов и либералов сплотиться против узурпатора. На помощь им наконец-то стали подтягиваться военные контингенты других центральноамериканских стран. В тот самый день, когда Уокер приносил присягу, в город Леон прибыли 800 сальвадорских солдат во главе с генералом Рамоном Бельосо. Через неделю подошли 500 гватемальцев. На марше к Леону были и 600 гондурасцев.

Уокер так надеялся на боевые качества 800 своих американцев, что распустил все никарагуанские подразделения и запретил принимать в армию любого, кто не говорил по-английски. Однако сами флибустьеры, видимо, смотрели на вещи более реалистично, чем их «президент», и в августе 1856-го стали учащаться случаи дезертирства. Но Уокера это не смущало, и он даже разбил свою армию на отдельные контингенты, в то время как 1800 солдат армий центральноамериканских стран при поддержке никарагуанцев (400-500 бойцов) начали наступление на Гранаду. 24 сентября 1856 года противники Уокера заняли Манагуа.

Затем союзники смяли слабые кордоны Уокера и подошли к Масайе. К Уокеру тем временем прибыли еще 175 добровольцев, 40 винтовок и две горные гаубицы. «Президент» Никарагуа решил быстро пойти к Масайе, застать союзников врасплох и разгромить их в одном решающем сражении. Он опять сделал ставку на скорость и решительность маневра.

⁷⁸ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 208.

⁷⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 208.

Оставив 200 человек в качестве резерва в Гранаде, Уокер с 800 бойцами неожиданно напал на союзников в Масайе 10 октября. Сальвадорский генерал оттянул все свои силы к центру города, где, используя каменные дома, они стали оказывать американцам ожесточенное сопротивление. В это время до Уокера дошли сведения, что его противники с юга (в основном гватемальцы) неожиданно напали на Гранаду. Он вывел все силы из Масайи и 13 октября атаковал врага в Гранаде, вовремя успев деблокировать свой гарнизон, забаррикадировавшийся в центре города. Гватемальцы отступили, бросив два орудия. На сей раз Уокер позабыл о своей бывшей галантности и стал расстреливать пленных, ссылаясь на жестокость гватемальцев.

Между тем костариканская армия пришла в себя, и президент Мора решил опять захватить транзитный маршрут, по которому к Уокеру стали прибывать люди и боеприпасы из США. В этом предприятии у Мора неожиданно появился важный союзник – Вандербильт. Он направил к Море опытного американского моряка Сильвануса Спенсера, который должен был помочь занять ключевые пункты межокеанской трассы.

К середине октября 1856 года боевые действия не дали решающего преимущества ни одной из сторон. Но вскоре после боя за Гранаду к Уокеру прибыло свежее пополнение во главе с полковником Хеннингсеном, который сразу же получил чин бригадного генерала⁸⁰ Хеннингсен был классическим авантюристом с богатым военным опытом. Он родился в Англии и успел повоевать в карлистских войнах в Испании и на стороне венгерских повстанцев Кошута в 1848-1849 годах.

Хеннингсен приступил к военному обучению и более четкой организации разных флибустьерских отрядов.

Уокер отправил 250 солдат в местечко Вирхен-Бэй для того, чтобы изгнать с транзитной линии авангард костариканцев во главе с генералом Каньясом. Однако Каньяс отбил атаку флибустьеров, и Уокеру пришлось самому заняться упорными костариканцами. Утром 11 ноября 250 флибустьеров при поддержке двух орудий атаковали части Каньяса (примерно 800 человек) и обратили их в бегство.

Предотвратив угрозу транзитному пути, Уокер с 550 бойцами 15 ноября 1856 года опять двинулся на Масайю, чтобы разделаться с армией центральноамериканских республик. Однако по пути он узнал, что к костариканцам подошло подкрепление в 700-800 человек, и отправил обратно на юг отряд в 200 бойцов. Таким образом, к Масайе выдвинулся отряд флибустьеров численностью всего 300 человек. У окопавшихся в городе союзнических войск людей имелось в три-четыре раза больше. В подобных условиях атака была, с военной точки зрения, полным безумием, но Уокер свято верил в превосходство белой нордической расы и не сомневался в победе.

15 ноября Уокер приступил ко второму штурму Масайи. Американцы продвинулись в центр города, но лишь ценой ужасных потерь – за день боев Уокер потерял убитыми и ранеными треть своего отряда⁸¹. Тем не менее флибустьеры продолжили самоубийственный штурм 16 и 17 ноября, медленно оттесняя союзников к центральной рыночной площади города. Но рассчитывать на победу не приходилось, и перед лицом полного уничтожения своей небольшой «армии» Уокер 17 ноября отдал приказ отступать к Гранаде. «Бронзовая» раса, если использовать терминологию Уокера, показала свое явное преимущество перед нордической, несмотря на превосходство американцев в огневой мощи.

18 ноября уокеровцы возвратились в Гранаду. Понимая, что удержать город не удастся и надо отступать к транзитной линии, чтобы иметь возможность покинуть Никарагуа на пароходе (военного флота у союзников не было), «гуманист» Уокер отдал приказ поджечь и разрушить Гранаду до основания. Для этого в Гранаде остался арьергард во главе с Хеннингсеном.

⁸⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 79.

⁸¹ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 82.

Последний выполнил свой приказ столь основательно, что небольшую Гранаду не смогли полностью восстановить и через 30 лет.

24 ноября 1856 года союзники атаковали отряд Хеннингсена в Гранаде (примерно 420 человек и шесть орудий) с трех сторон. Американцев зажали в центре города. Кроме того, союзники захватили две церкви, с которых простреливалась дорога из центра Гранады к причалам на озере – единственному возможному пути отступления флибустьеров. Положение Хеннингсена было безнадежным, а уничтожение его отряда – всего лишь делом ближайшего времени, так как муки у осажденных американцев оставалось на семь дней. Флибустьерам пришлось пойти на необычную военную хитрость: они специально дали попасть в руки союзникам большому запасу бренди, и на какое-то время американцев оставили в покое. Некоторые из них потом вспоминали, что вопли пьяных гватемальцев заглушали стрельбу⁸².

28 ноября союзники направили парламентаря к «командующему остатками сил Уокера», предлагая сдаться и обещая гарантировать свободный выезд из страны. Хеннингсен ответил отказом, составленным в нарочито грубой и обидной форме. Тем временем в городе вспыхнула холера, от которой страдали обе противоборствующие стороны.

В начале января 1857 года Уокер направил на помощь Хеннингсену отряд в 175 человек, который 14 января пробился от озера на соединение с осажденным гарнизоном. Весь отряд флибустьеров численностью примерно 200 человек отошел к причалу, погрузился на пароход и отплыл от груды руин, когда-то бывшей столицей Никарагуа. Перед уходом Хеннингсен поставил в городе шест с табличкой, на которой было написано: «Здесь была Гранада»⁸³. Даже в конце XIX века население Гранады не смогло достичь уровня 1856 года.

Во время ожесточенных боев в Гранаде флибустьеры потеряли 110 бойцов убитыми и ранеными, 120 человек умерли от болезней, 40 – дезертировали. Только 166 солдат удачи смогли покинуть Гранаду.

Между тем весь декабрь 1856 года Уокер сражался с заседавшими костариканцами в транзитной зоне. Неожиданным ударом армия Коста-Рики захватила у города Сан-Хуан-дель-Норте четыре парохода транспортной компании. Когда ее владельцы стали протестовать и просить помощи у капитанов британских военных судов, те логично ответили им, что компания сама стала участником боевых действий, когда долгое время перевозила Уокеру людей и оружие⁸⁴. Несомненно, Лондон был заинтересован в поражении Уокера, чтобы заменить американское влияние в Никарагуа своим.

Плохо одетые и еще хуже вооруженные костариканцы на пароходах отплыли по направлению к озеру Никарагуа и захватили врасплох порт Кастильо-Бьехо. Был взят также хорошо укрепленный форт Сан-Карлос, а затем костариканцы потопили пароход, на котором находились несколько десятков флибустьеров. С приходом в транзитную зону основных частей костариканской армии весь отрезок трансокеанского пути между Атлантическим океаном и озером Никарагуа оказался в руках противников Уокера. Неудивительно, что в этих условиях Уокеру было не до осажденного гарнизона Гранады.

11 декабря 1856 года флибустьеры заняли Ривас, который стал основным центром операций армии Уокера. В январе 1857-го ряды пиратской армии пополнили 240 человек, 4 февраля из Нового Орлеана прибыли еще 180 флибустьеров, в середине марта – 130 техасцев. Однако вся эта нешуточная сила так и не смогла пробиться к Уокеру в Ривас – костариканцы стояли насмерть. Если бы это произошло, то под командованием Уокера сконцентрировались бы 1200 американцев – самая большая войско за все время авантюры флибустьеров. Вполне возможно, что с такой армией Уокер смог бы разбить истощенные боями за Гранаду и болезнями силы

⁸² Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 87.

⁸³ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 90.

⁸⁴ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 90.

союзников (по уокеровским оценкам, сократившиеся за время боев с семи до двух тысяч человек из-за потерь, болезней и дезертирства). Но теперь исход компании был предрешен.

В том же январе командующий костариканскими войсками Мора прибыл в Гранаду и договорился, наконец, о координации военных действий между всеми частями союзников. Было образовано единое командование во главе с гондурасским генералом Ксатруча.

Пока союзники договаривались между собой, Уокер приступил к отвоеванию восточного участка транзита. После упорного боя флибустьеры отбили местечко Пунто-Ип, но их атака на Кастильо-Бьехо (который обороняли всего 34 костариканца) провалилась. Войска Уокера опять отступили к Ривасу, откуда время от времени совершали вылазки.

26 января 1857 года 800 костариканцев под командованием толкового и смелого генерала Каньяса заняли местечко Сан-Хорхе всего в двух милях от Риваса. 29 января флибустьеры во главе с Хеннингсеном два раза при поддержке артиллерии штурмовали город, но были отбиты с большими потерями⁸⁵. Каньяс писал Уокеру, издевательски благодаря его за то, что американские артиллеристы убили трех коров и освободили тем самым его солдат от обязанности мясников.

Уокер, как и Наполеон, считал, что ему просто не повезло с офицерами. 4 февраля он в четыре часа утра с 200 отборными стрелками напал на Сан-Хорхе, но и его постигла та же участь, что и Хеннингсена.

Большинство флибустьеров уже понимали, что война проиграна, и дезертирство из армии Уокера приобрело катастрофические масштабы. Иногда люди сбегали целыми взводами.

Уокеру для поднятия боевого духа своих людей срочно нужен был военный успех. 16 марта 1857 года он опять атаковал Сан-Хорхе, ведя в бой 400 солдат при поддержке семи орудий разного калибра. Но к тому времени и гарнизон союзников в городке вырос до 2000 человек. Благодаря артиллерийскому огню флибустьеры смогли завладеть городом. 13 американцев были убиты и 63 ранены. В рядах противников Уокера убитых и раненых насчитывалось до 500 человек. Но союзники отступили в полном порядке и по-прежнему держали под контролем транзитный маршрут.

И в этот переломный момент «друзья» Уокера Гаррисон и Морган объявили, что полностью прекращают пароходное сообщение с Никарагуа. Армия Уокера оказалась в ловушке.

11 апреля центральноамериканские войска начали генеральный штурм Риваса, но он был отбит с большими потерями для наступающих. Однако 15 апреля костариканские войска захватили город Сан-Хуан-дель-Сур и тем самым окончательно отрезали флибустьеров от двух океанов. В Ривасе кончались продовольствие и медикаменты.

Казалось, что участь Уокера предрешена. Но на помощь пиратам пришло правительство США, срочно направившее в озеро Никарагуа военный корабль «Сент-Мэри» для вывоза флибустьеров на родину (судно стало на якорь в Сан-Хуан-дель-Сур еще 6 февраля 1857 года). Воевать с США союзники не решились, и 30 апреля им пришлось принять предложение-ультиматум капитана «Сент-Мэри» Дэвиса о посредничестве в прекращении боевых действий.

1 мая 1857 года Уокер подписал акт о капитуляции перед Дэвисом, игнорируя союзников. В обмен на это Дэвис обязался доставить остатки пиратской армии (274 человека; всего оружие сложили 463 флибустьера) в Панаму. Уокер и 16 его «офицеров» немедленно перешли на борт «Сент-Мэри» с личным оружием, лошадьми и багажом. Авантюра Уокера стоила жизни сотне его наемников и десяткам тысяч граждан центральноамериканских государств.

Естественно, союзные войска были возмущены открытым вмешательством США с целью спасения бандита, разорившего всю Никарагуа. Сальвадорский генерал Хесус Барриос, будущий президент страны, писал: «Эта капитуляция является позорным и унижительным доку-

⁸⁵ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 98.

ментом для Центральной Америки... Никогда еще агонизирующий бандит не презирал так правительства, воевавшие с ним, и мужественных солдат, которые загнали его в угол. При сдаче города побежденные держались более гордо, чем победители»⁸⁶.

Министр ВМС США в своем докладе в 1857 году признавал, что Уокера спасли по прямому указанию американских властей: «Правительство сочло нужным в качестве гуманной и политической меры дать командиру дивизиона коммодору Мавину инструкции, чтобы он в случае необходимости содействовал эвакуации генерала Уокера и его товарищей из Никарагуа»⁸⁷.

До сих пор во всех центральноамериканских странах совместная победа над американскими флибустьерами является предметом оправданной национальной гордости. Эту войну с гордостью называют Национальной. История показала правоту Морасана: только совместными усилиями могли небольшие республики отстоять свою независимость.

Говорят, что когда Уокер 5 мая 1857 года покидал Никарагуа, он сказал: «То, чего не добились винтовки, сделают доллары».

27 мая Уокера встречали в Новом Орлеане как героя. Он совершил турне по крупным городам Америки (Нью-Йорк, Вашингтон, Новый Орлеан), где рассказывал о своих «подвигах» благодарной публике. Ободренный горячим приемом, прежде всего в южных штатах, Уокер начал планировать новую экспедицию в Никарагуа. Всем добровольцам он обещал твердый ежемесячный доклад и 250 акров земли в Никарагуа. Для организации нового бандитского предприятия Уокер основал подпольную организацию «Центральноамериканская лига».

На «костях» своих незадачливых компаньонов, гнивших в никарагуанской земле, Уокер торжественно поклялся «не оставлять дела возрождения Никарагуа». В крахе своей авантюры он обвинил госсекретаря Марси, англичан и аболиционистов из северных штатов. Он убеждал публику, что никарагуанцы не могут управлять собственной страной и ее необходимо «американизировать».

В июне 1857 года Уокера принял новый президент Бьюкенен, которого Уокер заверил в том, что разгромил бы центральноамериканские войска, если бы ему не помешал капитан Дэвис.

Бьюкенен считал, что Уокер затеял благородное дело, вот только не смог нормально довести его до конца. В докладе сенату 7 января 1858 года президент сообщил: «Было бы намного лучше и сообразнее с мужественным и отважным характером наших соотечественников, если бы само правительство предприняло эти экспедиции, а не оставило бы их под командованием безответственных авантюристов»⁸⁸.

Костариканцы внимательно следили за деятельностью Уокера. 7 августа 1857 года правительство Коста-Рики обнародовало декрет, согласно которому любая группа под руководством Уокера при попытке вторгнуться в Центральную Америку приравнивалась к пиратской. Это означало, что в плен брать их никто не будет. Этот декрет признали правительства Сальвадора и Никарагуа. 14 сентября посланники Коста-Рики и Гватемалы в США заявили протест госсекретарю против беспрепятственной подготовки Уокером новой экспедиции в Центральную Америку⁸⁹. Американцам пришлось пообещать, что корабль ВМС США «Саратога» не допустит выхода экспедиции флибустьеров в открытое море.

Тем не менее, американский флот не помешал Уокеру 11 ноября 1857 года во главе 270 человек отправиться на корабле «Фэшн» к берегам Никарагуа. «Саратога» спокойно наблюдала, как отряд Уокера высадился в устье реки Сан-Хуан и захватил несколько пароходов. Но

⁸⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 113.

⁸⁷ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 212.

⁸⁸ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 54–55.

⁸⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 114.

тут в дело вмешались англичане, которым порядком надоела активность Уокера в зоне их влияния. 6 декабря к Сан-Хуан-дель-Норте подошли два мощных британских военных корабля.

Чтобы спасти Уокера от уничтожения, командир «Саратоги» Полдинг предложил ему сдаться, что тот и сделал 8 декабря со 132 своими сторонниками. Капитуляция проходила дружелюбно и сопровождалась искренними улыбками и рукопожатиями. В каюте Полдинга Уокер был доставлен в Панаму, где и отпущен под честное слово, что по возвращении США он добровольно явится в полицию Нью-Йорка.

В Новом Орлеане Уокер предстал перед судом по обвинению в нарушении законодательства США о нейтралитете, но был оправдан.

В октябре 1858 года Уокер опять попытался отплыть из США в Гондурас, но был задержан. Комедия повторилась вновь: суд в Новом Орлеане и оправдание. Уокер засел за мемуары о никарагуанской войне.

Однако «посланец Провидения» упорно продолжал испытывать судьбу. Весной 1860 года к нему обратились за помощью жители трех островов у побережья Гондураса, которые хотели отделиться от Гондураса и провозгласить независимость. Текста этой просьбы никто никогда не видел, и возможно, что Уокер ее просто выдумал. 5 августа 1860-го отряд под командованием Уокера (примерно 90 человек) высадился в гондурасском порту Трухильо, захватив местную таможню и укрепленный форт⁹⁰. Уокер объявил правительство страны низложенным и призвал всех гондурасцев поддержать его «революцию». Захватив Гондурас, Уокер намеревался напасть на Никарагуа. Видимо, мечта об этой стране никак не могла покинуть его воспаленный мозг.

Пока Уокер напрасно ждал толп восторженных гондурасцев, в порт Трухильо вошел британский военный корабль «Икарус». Его капитан потребовал от Уокера немедленной капитуляции, обещая ему безопасную транспортировку всего отряда в США.

Уокер ушел из Трухильо и направился вдоль побережья Гондураса, видимо, все же надеясь перебраться на пригласившие его острова. 24 августа ему удалось отбить атаку гондурасской армии – опять сказалось преимущество новых американских винтовок. Но в ходе стычек с гондурасской армией отряд Уокера сократился до 31 человека.

Несмотря на ранение в лицо, Уокер сохранил командование, и 27 августа его отряд достиг устья реки Рио-Негро. Три дня флибустьеры отдыхали, и Уокер считал себя вне опасности на побережье, так как никакого флота у Гондураса не было.

Однако Гондурасу помогли англичане, которые перебросили к месту лагеря Уокера 200 гондурасских солдат и 40 собственных морских пехотинцев. Британцы потребовали немедленной капитуляции. Уокер два раза спросил, капитулирует он перед Британией или Гондурасом (последнее представитель «вышей расы» считал для себя неприемлемым). Дважды получив от капитана «Икаруса» утвердительный ответ насчет Британии, Уокер сдался. Интересно, что в разговоре с британским капитаном он упорно именовал себя президентом Никарагуа.

Пленных погрузили на британский корабль и доставили обратно в порт Трухильо. Там Уокера и его заместителя полковника Радлера сразу передали гондурасским властям, а остальных флибустьеров под конвоем британских моряков препроводили в гондурасскую тюрьму.

Согласно законам войны, флибустьеры не могли рассчитывать на обращение с ними как с военнопленными, потому что они действовали на свой страх и риск, а не по поручению своей державы. Уокера приговорили к смертной казни и расстреляли в 8 часов утра 12 сентября 1860 года. Гондурасцы отказались хоронить этого человека, и тело погребли несколько оказавшихся в городе американцев.

Заместителя Уокера Радлера приговорили к четырем годам тюрьмы, но потом отпустили. Остальных флибустьеров отправили прямиком в США.

⁹⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 110.

Уокера мог спасти его старый знакомый Кабаньяс, который со своими войсками находился неподалеку. Но он не забыл, как в 1855 году Уокер отказался помочь ему вернуть кресло президента Гондураса.

Так бесславно закончилась попытка Уокера «американизировать» Центральную Америку. Смертельная опасность, нависшая над молодыми и слабыми государствами, была успешно ликвидирована совместными усилиями, хотя и высокой ценой.

К счастью для латиноамериканцев, в последующие 10 лет США было не до них: американцы убивали друг друга в гражданской войне, самой кровопролитной в истории Соединенных Штатов. Затем несколько лет понадобилось для восстановления страны и достижения гражданского примирения между Севером и Югом.

Никарагуанские либералы были основательно дискредитированы своим сотрудничеством с Уокером, и до 1893 года страной непрерывно правили консервативные президенты. Пожалуй, впервые за всю историю независимой Никарагуа в стране был внутренний и внешний мир.

Сразу же после изгнания Уокера в Никарагуа было два временных главы государства – по одной от каждой из основных партий-соперниц (генералы Томас Мартинес и Максимо Херес). В 1858 году главой государства был избран консерватор Томас Мартинес, который правил страной до 1867-го (его переизбрали еще на один срок). В целом этого президента поддерживали обе основные партии, понимавшие, до чего может довести страну внутренняя смута. Однако с выборами Мартинеса в 1863 году не согласились либерал Максимо Херес и консерватор Фернандо Чаморро. Каждый из них поднял восстание, но эти выступления были быстро подавлены – люди в стране устали воевать. Руководители мятежа бежали в Коста-Рику.

В 1858 году в стране была принята новая конституция.

Никарагуа пыталась наконец-то создать нормальную регулярную армию, но денег на это явно не хватало. Хорошо, что флибустьеры Уокера оставили в стране современные винтовки конструкции Минье. Среди высших офицеров армии преобладали представители гранадской консервативной аристократии. В самой армии полагалось быть 12 пехотным батальонам, двум кавалерийским эскадронам и двум артиллерийским бригадам. Эти части примерно равномерно распределялись по семи департаментам страны. В 1867 году в стране был принят первый Военный кодекс. 25 июня 1869 года вспыхнула новая гражданская война, для прекращения которой опять пришлось прибегнуть к посредничеству США. Повстанцы, требовавшие отставки президента Гусмана, захватили Леон, но были, в конце концов, разбиты.

Во внешней политике сложными оставались (и остаются по сей день) отношения между Никарагуа и Коста-Рикой. Обе страны хотели контролировать реку Сан-Хуан, которая все еще рассматривалась как важнейшее звено будущего межokeанского канала. В 1876 году президент Никарагуа Педро Хоакин Чаморро двинул против костариканцев пятитысячную армию.

К американцам никарагуанцы относились более чем настороженно, и очередной президент страны Гусман подчеркнул при вступлении в должность в 1867 году, что между Никарагуа и США пока не заключено ни одного договора⁹¹.

В ноябре 1869 года Англия передала свой протекторат над Москитией Гондурасу, что, естественно, не могло понравиться Никарагуа. Против этого восстали и местные индейцы. 28 января 1860 года Никарагуа в Манагуа удалось заключить с Великобританией договор, по которому Берег Москитов признавался территорией Никарагуа. Никарагуанцы, в свою очередь, обязались сохранить автономию местного индейского населения, часть которого была англоязычной. «Король» Москитии Джордж Август Фредерик II (правил с 1845 года) согласился с новым положением дел в обмен на ежегодную субсидию в 1000 фунтов стерлингов до 1870

⁹¹ Foreign Relations of the United States, 1867, Nicaragua (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1867-68v02/reference/frus186768v02.i0021.pdf>).

года. После его смерти в 1865 году Никарагуа отказалась признать нового короля. Теперь бывшее королевство стало называться «резервацией».

Однако английские поселенцы в этом районе по-прежнему продолжали чувствовать себя господами и побуждали индейцев к сепаратизму, на что никарагуанцы пожаловались США в 1867 году. Анклавом управлял индейский вождь при помощи племенного совета в Блуфилдсе. Никарагуанцы считали весь совет английскими агентами, а вождя – их марионеткой. Индейцы-мискито полагали, что суверенитет Никарагуа над Москитией не должен означать вмешательства никарагуанских властей в их внутреннюю жизнь.

Спор был передан на усмотрение императора Австро-Венгрии как третейского судьи, и Франц Иосиф в 1880 году решил его в пользу местного индейского самоуправления. Суверенитет Никарагуа над Москитией оставался чисто номинальным.

Но главной проблемой для Никарагуа оставался вопрос канала. Американская транзитная компания по-прежнему ничего не предпринимала для строительства этой межокеанской артерии. В 1868 году был заключен никарагуанско-американский договор (договор Дикинсона – Айона), который провозглашал, что будущий канал должен быть открытым для судов всех стран. Суверенитет над зоной канала оставался за Никарагуа.

Но американцы внимательно следили за тем, чтобы Никарагуа не передала право на строительство канала подданным других стран. Когда в 1867 году никарагуанцы передали право на строительство канала между озерами Манагуа и Никарагуа немцу Зонненштерну, американцы фактически заставили их дезавуировать сделку, пригрозив лишить поддержки в споре с Англией по поводу Берега Москитов⁹².

В 1868 году по приказу давнего ярого сторонника никарагуанского канала Наполеона III с Никарагуа начал переговоры французский журналист и друг императора Мишель Шевалье. Но в 1870-м Наполеона свергли. К тому же Коста-Рика была настроена резко против этого проекта. Отказались участвовать в нем и американцы (французы пригласили США принять участие в совместном строительстве канала).

В 1872 году до американского посланника в Манагуа дошли слухи, что Никарагуа и Коста-Рика готовы поручить строительство канала британским подданным. Последовал резкий дипломатический протест США в Манагуа. Мол, участие европейцев в строительстве канала подрывает фундаментальные принципы «американской системы» (то есть доктрину Монро).

Со временем госсекретарь США Сьюард (который купил у России Аляску в 1867 году) стал обращать свои взоры к панамскому перешейку, принадлежавшему тогда Колумбии. Сьюард полагал, что если построить канал там, то это вызовет меньшее противодействие Великобритании, влияние которой в Колумбии было гораздо слабее, чем американское. К тому же госсекретарь думал, что Панамский канал станет достойным ответом на канал Суэцкий и покажет всему миру мощь американской промышленности и силу инженерного гения США.

В 1868 году начались американо-колумбийские переговоры, и 14 января 1869-го был подписан двусторонний договор, по которому США получили эксклюзивное право на строительство канала через колумбийскую территорию. Колумбия обязалась не разрешать никому прокладывать канал или железную дорогу через Панамский перешеек без предварительного согласия Вашингтона. Правда, колумбийский конгресс отверг этот договор, но в январе 1870 года в Боготе был подписан новый договор. Теперь канал провозглашался открытым для судов всех стран за исключением тех, с кем воевали Колумбия и США.

Но не забывали американцы и никарагуанский вариант. В 1872 году американская экспедиция высадилась в устье реки Сан-Хуан, чтобы изучить возможность прокладки канала. Но члены экспедиции утонули, не успев даже начать дело. В 1873-м маршрут все же был изучен.

⁹² Foreign Relations of the United States, 1867, Nicaragua (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1867-68v02/reference/frus.frusl86768v02.i0021.pdf>).

Американцы установили, что на участке канала от озера Никарагуа до Тихого океана придется соорудить 20 шлюзов. Но это было все равно меньше, чем, например, при прокладке канала через Мексику (там требовалось более 100 шлюзов, что делало движение судов очень медленным). Стоимость никарагуанского канала была оценена в 100 миллионов долларов, Панамского – в 150 миллионов.

В 1876 году президент США Грант поручил начать строительство никарагуанского канала в течение года. Тут уже заволновались европейцы, и Гранту пришлось заявить, что канал будет международным и открытым для судов всех стран, а зона вокруг него – нейтрализована. Никарагуанцам представили проект договора, по которому зона будущего канала должна была управляться неким международным комитетом. В таком варианте Никарагуа фактически лишалась суверенитета над своей территорией. К тому же правительство Никарагуа никак не устроила гарантированная ему мизерная доля прибыли от операций будущего канала.

Коста-Рика вообще потребовала в качестве предварительного условия поддержки со стороны США в территориальном споре с Никарагуа (который не урегулирован по сей день).

В 1878 году США прервали переговоры с обеими странами.

В 1867-1870 годах американцы стали давить на правительство Никарагуа, чтобы оно согласилось передать США суверенитет над островами Тигре в тихоокеанском заливе Фонсека (такой же прессинг американцы применили и в отношении Гондураса и Сальвадора, для которых залив был не менее важен). США аргументировали свои требования тем, что у их флота нет ни одной базы между Панамой и Сан-Франциско. Залив Фонсека был единственным природным заливом на всем тихоокеанском побережье Никарагуа. К тому времени три соседние страны (Никарагуа, Гондурас и Сальвадор) никак не могли определить свои границы в заливе и не желали видеть там еще и американцев.

США были встревожены сообщениями о том, что военно-морскую базу на «Тигровых островах» хочет заполучить Пруссия. Немцы к тому времени активно заселяли Коста-Рику: половина иностранцев в этой стране говорили по-немецки.

Президент Никарагуа Гусман перенес столицу в Манагуа, к чему его вынудила очередная эпидемия холеры.

После изгнания Уокера произошли большие изменения в никарагуанской экономике. В 60-е годы страна впервые начала экспортировать на мировой рынок кофе. Специально для наращивания прибыльного кофейного экспорта была построена железная дорога до тихоокеанского порта Коринто и введено в эксплуатацию пароходное сообщение до Манагуа. Основным регионом производства кофе стали центральные районы страны. В 1885-1890 годах экспорт кофе достиг 9,3 миллиона фунтов и стал основной статьей вывоза Никарагуа, население которой в 1890-м составляло 423 тысячи человек⁹³. Другими экспортными товарами были хлопок, сахар, кожа и табак. В 1850 году весь экспорт Никарагуа составлял примерно миллион долларов – то есть по 3,7 доллара на душу населения (в Гватемале – 1,7 доллара, в Коста-Рике – 11,4)⁹⁴. Сделав главную ставку на кофе, Никарагуа последовала примеру своей соседки и соперницы Коста-Рики, которая активно вывозила кофе уже в 40-х годах XIX века. К 1913 году на кофе приходилось 64,9 % никарагуанского вывоза.

Для кофейных плантаций требовались свободные земли и рабочие, поэтому все эти годы продолжалось наступление на общинное землевладение. В марте 1881 года вспыхнуло восстание индейцев (вошедшее в историю Никарагуа как «индейская война»), зверски подавленное национальной армией. Новый президент Карденас амнистировал в 1883-м уцелевших участников восстания. Тем не менее либералы в соседнем Гондурасе пытались организовать новую революцию с целью отстранения консерваторов от власти.

⁹³ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 31.*

⁹⁴ *Bulmer-Thomas V. T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P. 38.*

Никарагуа следовало опасаться не только традиционной английской или американской экспансии. В 1878 году к берегам страны подошли четыре германских военных корабля под стандартным предлогом защиты своих граждан.

Поводом было нападение на почетного консула только что созданной Бисмарком «железом и кровью» Германской империи Айзенштюка в городе Леоне в 1876 году. Падчерица довольно долго жившего в Никарагуа Айзенштюка была разведена, что являлось скандалом по меркам католической страны. Поэтому на семью консула уже два раза нападали на улице. Первый раз на Айзенштюка напал бывший зять, требовавший вернуть ему жену и трижды выстреливший из пистолета. 29 ноября 1876 года на консула напали полицейские, которые избили и арестовали его. Хотя Айзенштюка и выпустили, учитывая его дипломатический статус, но обидчиков его наказывать не собирались. Судья заявил, что дело носит не уголовный характер, а гражданский, «семейный».

Германия по американскому образцу потребовала от Никарагуа наказать нападавших, отдать салют чести германскому флагу военнослужащими никарагуанской армии и выплатить компенсацию в 30 тысяч долларов. Никарагуа проигнорировала ультиматум, так как не имела с далекой Германией серьезных отношений в какой-либо сфере.

Немцы усилили давление, подключив в качестве посредников одновременно Великобританию и США. Но никарагуанцы обошлись с американским дипломатом-посредником довольно невежливо, и США даже прервали с Никарагуа дипломатические отношения. Тогда немцы направили к тихоокеанскому побережью Никарагуа три военных корабля своей Восточноазиатской эскадры. Еще один корабль как раз находился в Вест-Индии и был направлен к атлантическому побережью Никарагуа.

17-18 марта 1878 года немецкая эскадра подошла к никарагуанскому побережью. Правительству республики пришлось выплатить 30 тысяч долларов, обидчиков консула оштрафовали на 500 долларов, а солдаты морской пехоты Никарагуа салютовали германскому флагу.

Падчерица же Айзенштюка вернулась к мужу и жила с ним до 1914 года.

Этот инцидент еще раз показал никарагуанцам, что расчет на помощь одной империалистической державы против другой является полнейшей иллюзией. Ведущие державы того периода разговаривали только на языке силы и только такой язык понимали сами. Отсюда следовал логичный вывод, что только объединение центральноамериканских стран может служить надежной гарантией их независимости.

Нужно отметить, что на протяжении всего XIX века то в одной, то в другой центральноамериканской стране предпринимались попытки восстановить бывшее государственное единство всего региона. В тех конкретных условиях сделать это можно было только военным путем: местные правящие элиты отдельных государств ни за что не хотели ни с кем делиться властью, а главное – своими экономическими выгодами, которые давало независимое положение. Ведь больше всего денег можно было заработать тогда на таможенных пошлинах или на сдачу иностранцам различных участков территории в концессию. Естественно, в случае объединения решение всех этих вопросов отошло бы к новым центральным властям.

Однако самые передовые и прогрессивные представители центральноамериканской элиты понимали, что только объединение сможет предотвратить военную и политическую экспансию США в Карибском бассейне и Центральной Америке.

В 1862 году воссоздать центральноамериканскую федерацию предложил президент Никарагуа Мартинес. В качестве главы единого государства он предложил реакционного гватемальского диктатора Карреру, что обрекало все предприятие на крах ввиду ненависти, которую испытывали к Каррере все либералы региона. Сама мысль, что объединение региона возглавит лютый враг Морасана, заставляла относиться ко всему этому проекту как к фарсу. Тем не менее было проведено несколько встреч полномочных представителей центральноаме-

риканских государств, однако Сальвадор наотрез отказался войти в федерацию под руководством Карреры.

В 80-х годах XIX века попытку воссоединить Центральную Америку предпринял президент Гватемалы Хусто Руфино Барриос.

Барриос родился в 1835 году, изучал право и в 1862-м стал адвокатом. Три года спустя скончался правивший много лет реакционный диктатор Гватемалы Каррера – заклятый враг Морасана. Барриос, обладавший недюжинным интеллектом и кипучей энергией, с головой окунулся в политику, присоединившись к либеральной партии. В 1867 году он примкнул к восстанию в регионе Лос-Альтос, жители которого хотели провозгласить независимость. В боях с правительственными войсками Барриос показал себя талантливым военным лидером-самородком. В 1871 году Барриос с другими гватемальскими эмигрантами вторгся в Гватемалу с территории Мексики. Либералы начали вооруженную борьбу с целью свержения многолетнего господства консерваторов в стране. Благодаря военному гению Барриоса либералы одержали победу, их лидер Гарсия Гранадос стал президентом, а Барриос – губернатором провинции Лос-Альтос.

Барриос был классическим либералом XIX века. Он считал католическую церковь главным препятствием на пути прогресса страны, а сам этот прогресс видел в развитии народного образования и привлечении передовых иностранных инвестиций при неукоснительном соблюдении суверенитета страны. По инициативе Барриоса из Лос-Альтоса были высланы все иезуиты⁹⁵. В ответ на это священники спровоцировали реакционное восстание в Гватемале, что привело к высылке из страны уже архиепископа. Но тот в эмиграции не сидел сложа руки и уговорил правительство Гондураса начать против Гватемалы войну.

Барриос как главнокомандующий гватемальской армией принял вызов, но одновременно заявил о желании восстановить на базе гондурасско-гватемальского союза центральноамериканскую федерацию времен Морасана.

В мае 1872 года Барриос всего на 32 дня стал временным президентом Гватемалы. За этот короткий срок он провел в стране коренные реформы: была провозглашена свобода прессы, ликвидированы монастыри и национализировано их имущество. В стране открылись первые школы для женщин. В 1873 году Барриос был избран президентом и немедленно национализировал уже все имущество церкви, которое подлежало продаже с торгов. В 1875-м в Гватемале было введено бесплатное светское начальное образование. Особое внимание президент обращал на подготовку национальных ремесленных и технических кадров, без которых было невозможно развитие гватемальской отечественной промышленности.

К концу правления Барриоса в Гватемале было 844 начальных школы, 47 вечерних школ для ремесленников и 17 вечерних школ для рабочих⁹⁶.

В 1881 году Гватемала заняла первое место среди стран Центральной Америки по экспорту кофе.

При Барриосе в стране была создана нормальная полиция (которую даже можно было публично критиковать), появились железнодорожные линии и телеграфное сообщение. В 1879 году была принята конституция – первый основной закон страны с момента получения независимости. Консерваторы правили, опираясь на штыки Карреры, и в конституции особой надобности не испытывали.

В 1877 году посланник США в Гватемале характеризовал Барриоса как диктатора с консервативными наклонностями, который не хочет вмешиваться во внутренние дела соседних стран⁹⁷.

⁹⁵ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 119.

⁹⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 122.

⁹⁷ FRUS 1877-1878 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1877-78v01/reference/frus.frus.187778v01.i0013.pdf>).

В 1880 году Барриос был избран президентом на шесть лет и приступил к осуществлению своей главной мечты – восстановлению единого центральноамериканского государства.

Сначала гватемальский президент решил урегулировать давний гватемальско-мексиканский пограничный конфликт из-за региона Чьяпас. Во время испанского колониального владычества Чьяпас входил в генерал-капитанство Гватемалу, но после образования центральноамериканской федерации был занят мексиканскими войсками. Однако все правительства Гватемалы всегда считали Чьяпас частью национальной территории. Стремясь заручиться поддержкой или, по крайней мере, нейтралитетом Мексики в ходе предстоящей тяжелой борьбы за объединение Центральной Америки, Барриос в 1882 году признал Чьяпас мексиканской территорией.

Еще в феврале 1872 года Барриос поддержал инициативу Гондураса по созыву в Сальвадоре (что символично, в городе под названием Ла-Уньон, то есть «союз» по-испански) конференции всех центральноамериканских государств для обсуждения вопросов общего экономического развития региона. 17 февраля был подписан договор, предусматривавший строительство межокеанского канала, организации единой телеграфной линии и шоссейной дороги. Однако реального смысла договор не имел, так как к нему не присоединилось консервативное правительство Никарагуа.

Конференция кончилась тем, что гватемальские и сальвадорские войска вторглись в Гондурас и отстранили президента этой страны Медину от власти.

Но Барриос не сдавался и в 1875 году направил всем главам государств Центральной Америки приглашение приехать на конференцию, посвященную объединению всех стран региона. Начать он предлагал с единого механизма внешней политики и обороны региона. Конференция состоялась в 1876 году, но прибывшие на нее делегаты не имели никаких полномочий для решения поставленных на встрече вопросов.

В январе 1882 года Барриос направил во все страны Центральной Америки эмиссаров с целью прозондировать отношение правительства к идее создания единого государства. Но этот проект опять встретил сопротивление Никарагуа и Коста-Рики.

Никарагуанцы считали, что строительство межокеанского канала через территорию Никарагуа озолотит страну, и не хотели делиться будущими баснословными доходами с другими государствами. Так как будущий канал должен был проходить по пограничной с Коста-Рикой реке Сан-Хуан, обе страны еще в 1858 году заключили соглашение о координации усилий в деле строительства канала. Таким образом, Коста-Рика также надеялась на будущие прибыли и не хотела поступаться своей независимостью.

Против объединения центральноамериканских государств был настроен мексиканский диктатор Порфирио Диас, который считал Мексику естественным гегемоном своих южных соседей. Но в регионе был гегемон и посильнее. США тоже не нравилась активность Барриоса, так как американцы считали и Мексику, и Центральную Америку зоной своего исключительного влияния. Со слабыми государствами дело Вашингтону было иметь гораздо проще. Авантюра Уокера показала, что совместными силами центральноамериканские страны вполне способны дать отпор даже военной интервенции США.

Барриос понял, что только одними конференциями своей цели он не добьется. В 1883 году он опубликовал ставшее знаменитым письмо к «Моим друзьям по либеральной партии центральноамериканских республик». Фактически он призывал либералов региона начать борьбу за объединение Центральной Америки, на пути которого стояли консерваторы. Сам Барриос в письме торжественно отказывался от поста президента будущего единого государства, чтобы не быть заподозренным в честолюбивых амбициях⁹⁸.

⁹⁸ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 130.

Мексиканский диктатор Диас (в указанный период он формально не был президентом, но пост главы государства занимал его ставленник), сторонник консервативных убеждений, хотя и считавший себя либералом, и противник любых революций был изрядно встревожен письмом Барриоса. Мексиканские посланники в Центральной Америке получили указание побудить все страны региона дать отпор инициативе Барриоса. Тем более что тот был готов (как и Морасан) добиваться воссоединения Центральной Америки силой.

В ноябре 1882 года мексиканский посланник Васкес доносил в МИД, что консервативное правительство Никарагуа настроено резко против объединения и ведет переговоры с Коста-Рикой о совместном отражении агрессии Гватемалы и ее потенциальных союзников.

Однако никарагуанская общественность отнюдь не была солидарна с настроениями собственного правительства. Например, выдающийся поэт Рубен Дарио был горячим сторонником единства и написал в 1883 году поэму «Центральноамериканский союз», посвященную Барриосу⁹⁹. Зато резко против объединения выступила католическая церковь.

Если Никарагуа и Коста-Рика были оппонентами Барриоса, то президенты Гондураса и, особенно, Сальвадора относились к его планам с симпатией. Правда, президент Сальвадора Сальдивар был фактически поставлен у власти самим Барриосом. Но и здесь мексиканское правительство приложило немало усилий, чтобы не допустить хотя бы тройственного союза центральноамериканских государств.

Против объединения стран Центральной Америки были настроены и в Вашингтоне. Американцы опасались, что единое правительство сможет построить межокеанский канал в Никарагуа без помощи США, с опорой на европейский капитал. Американские газеты писали, что появление гватемальских войск в Никарагуа будет прямой угрозой американским национальным интересам. Резолюцию подобного же содержания принял сенат США.

Когда американский посланник в Гватемале публично поддержал возможность объединения Центральной Америки военным путем, его немедленно отозвали. Правда, интересно, что госдепартамент США и сам, не желая того, фактически поддерживал центральноамериканское единство. У США в Центральной Америке была только одна дипломатическая миссия – в Гватемале. В столицах других центральноамериканских республик были лишь консульские сотрудники. Обычно так организовано дипломатическое представительство в едином государстве.

При этом, как известно, США и сами возникли в ходе войны, а правительство Уокера в Никарагуа было признано Соединенными Штатами, как уже упоминалось, без всяких проблем.

Барриос был горячим поклонником США, считая эту страну идеалом с точки зрения прогресса, а во время войны между Севером и Югом поддерживал Линкольна. Одно время в госдепартаменте считали его идею центральноамериканского единства перспективной, так как руками Барриоса можно было убрать англичан из Британского Гондураса и Москитии. Тем самым, как думали в Вашингтоне, будущая центральноамериканская федерация станет послушной марионеткой США.

Не случайно, что Барриос обратился к США за посредничеством в деле разрешения гватемальско-мексиканского спора вокруг Чьяпаса.

В сентябре 1884 года Барриос пригласил в Гватемалу президентов Гондураса Луиса Бограна и Сальвадора Рафаэля Сальдивара. Три президента на секретных переговорах решили организовать объединенную армию и силой заставить Коста-Рику и Никарагуа присоединиться к будущей федерации.

⁹⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 131.

Американцы были этим немало встревожены и немедленно подняли вопрос о бедственном положении американских рабочих и бизнесменов в Гватемале, для защиты которых американский консул потребовал присылки военного корабля ВМС США в январе 1885 года¹⁰⁰.

Заручившись поддержкой Гондураса и Сальвадора, Барриос решил действовать. 28 февраля 1885 года в оперном театре Гватемалы собрались сливки общества, члены правительства и дипломатический корпус. Но театральное представление внезапно прервали. Были зачитаны два декрета Барриоса. В первом декрете говорилось о провозглашении единой центрально-американской республики. Президент Гватемалы назначался верховным главнокомандующим объединенной центральноамериканской армией с задачей фактического установления единства всех пяти государств региона. Всем странам предлагалось к 1 мая 1885 года направить в Гватемалу по 15 свободно избранных представителей для определения формы правления и государственного устройства будущей единой страны. В декрете не было слова «федерация». Вероятно, Барриос, помня горький опыт Морасана, представлял себе будущее государство более или менее унитарным.

Второй документ был обращением Барриоса как верховного военного руководителя ко всем центральноамериканцам. Барриос подчеркнул, что Гватемала не собирается поработить другие страны региона, а хочет добиться лишь их равноправного единства. Всем офицерам армий центральноамериканских стран, которые поддержат единое государство, Барриос обещал повышение в звании на одну ступень.

Для противников единства в прокламации Барриоса содержалось весомое предостережение: президент Гватемалы заявил, что у его армии есть 50 тысяч новейших винтовок «ремингтон» американского производства с достаточным количеством боеприпасов.

Американский посланник в Гватемале сообщал, что декрет Барриоса был встречен овацией¹⁰¹. Он же предрекал сопротивление единству со стороны Никарагуа и Коста-Рики и информировал, что Барриос к этому готов. Американцев неприятно поразило то, что Барриос объявлял недействительными все международные договоры и кредитные соглашения с иностранными державами центральноамериканских стран, заключенные после 28 февраля 1885 года. Это ставило под вопрос возможные договоренности с Никарагуа по вопросу канала.

5 марта 1885 года конгресс Гватемалы единогласно одобрил шаги президента. В марте в пользу объединения единодушно высказался парламент Гондураса. Однако Сальвадор, на который так рассчитывал Барриос, под давлением Мексики отказался от присоединения. Напротив, президент Сальвадора, предав общее дело, попросил у Мексики защиты от «гватемальской агрессии». 10 марта правительство Мексики (где президентом снова был Порфирио Диас) направило Гватемале грозную дипломатическую ноту, предостерегая Барриоса от начала военных действий¹⁰².

Барриос сообщил американскому посланнику, что ответит Мексике на возможное нападение той же монетой.

Когда Сальвадор мобилизовал армию против Барриоса, президент Никарагуа Карденас заявил о полной военной поддержке Сальвадора в войне против Гватемалы. 8 марта 1885 года никарагуанский парламент решительно отверг инициативу Барриоса как посягательство на независимость Никарагуа. Гватемальский президент в ответ пообещал предоставить оружие тем никарагуанцам, которые решат поддержать борьбу за единство. Американскому посланнику в Гватемале было заявлено, что большинство никарагуанского народа не поддерживает линию своего консервативного правительства.

¹⁰⁰ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹⁰¹ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹⁰² Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 135.

13 марта 1885 года американский консул в Манагуа Льюитт сообщил посланнику в Гватемалу, что вся Никарагуа бурлит после декретов Барриоса, а экономическая жизнь в стране прекратилась¹⁰³. На улицах, писал консул, звучат трубы и барабаны – никарагуанцы мобилизуют армию, всех мужчин от 18 до 50 лет. Под ружьем уже находятся 5000 человек. Но никарагуанцы смогут выставить самое большое только 8 тысяч солдат и офицеров – для всех остальных не хватает оружия.

Сразу же после мобилизации армейские части перебрасываются на границу с Гондурасом. Позиция Коста-Рики, Сальвадора и, особенно, Мексики вызвала, по словам Льюитта, большую радость в стране. Везде слышались крики: «Смерть Барриосу!» Готовясь к войне, правительство Никарагуа прекратило разменивать «полновесные» серебряные деньги на бумажные банковые билеты. Металлические монеты исчезли из обращения. В Никарагуа было введено осадное положение и прекращена работа парламента.

10 марта 1885 года американский консул в Манагуа встретился с президентом страны и специально во время этой беседы президенту Карденасу принесли телеграмму сальвадорского президента, в которой тот сообщал, что выставит против Гватемалы 20 тысяч солдат. Карденас просил Льюитта оказать помощь в быстром выполнении никарагуанского заказа на получение из США большой партии винтовок «ремингтон» (сама компания «Ремингтон» просила на поставку не менее четырех месяцев)¹⁰⁴.

Карденас не скрывал, что никарагуанская армия готовится к вторжению в Гондурас и Гватемалу для свержения президента Барриоса. Мол, пока Барриос у власти, никакого мира и спокойствия в Центральной Америке не будет. На время войны Карденас сложил обязанности президента и возглавил вооруженные силы. Временным президентом стал очередной отпрыск самого именитого консервативного клана Никарагуа – Педро Хоакин Чаморро.

Льюитт подчеркнул, что правительство Никарагуа «не желает мира». Никарагуанцы не хотят даже посредничества США, так как это может помешать им свергнуть Барриоса.

Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика обратились к США и Мексике за помощью против Барриоса¹⁰⁵. Застрельщиком борьбы против единства была именно Никарагуа, которая немедленно перебросила в Сальвадор через порт Коринто оружие и боеприпасы. Никарагуанская армия готовилась вторгнуться в Гондурас. Предлогом для начала войны служило то, что, по утверждению никарагуанского президента Карденаса, гондурасцы готовились к вторжению в Сальвадор.

Однако сам Сальвадор явно провоцировал войну, надеясь на помощь Мексики и Никарагуа. Президент Сальвадора направил в Гондурас отряд из 4000 «партизан», которые должны были начать в этой стране антиправительственный мятеж. 200 «революционеров» были отправлены с такими же целями в Гватемалу. 25 марта 1885 года Барриос сообщил американцам, что намерен преследовать сальвадорских «бандитов» и на территории самого Сальвадора.

Барриос направил официальные ноты США, Мексике и основным европейским державам, уведомляя о возникновении нового единого центральноамериканского государства. Немцы и англичане подумывали об отправке военных кораблей к берегам Центральной Америки. США заявили, что установление центральноамериканского единства военным путем для них неприемлемо. Гватемалу предупредили, что США не потерпят нарушения прав американских граждан в ходе возможных военных действий.

9 марта 1885 года американский посланник в Гватемале прибыл в Сальвадор и встретился с президентом Сальдиваром по просьбе последнего. Дипломат сообщал в Вашингтон, что в

¹⁰³ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹⁰⁴ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹⁰⁵ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 35.

Сальвадоре проходят антигватемальские демонстрации¹⁰⁶. Американцы поддержали Сальдивара, и президент показал посланнику США телеграмму Порфирио Диаса, где тоже гарантировалась помощь в борьбе против Барриоса.

Вслед за телеграммой Порфирио Диас сосредоточил на гватемальской границе мощную, по меркам региона, армию: 2000 сабель и 4000 штыков¹⁰⁷. К гватемальскому порту Сан-Хосе был направлен мексиканский военный корабль. Тем не менее Мексика побоялась официально вступить в антигватемальский военный союз вместе с Сальвадором, Коста-Рикой и Никарагуа, так как опасалась недружественной реакции США в ответ на этот шаг.

Диас написал Барриосу, что мексиканское и центральноамериканское общественное мнение решительно отвергает его инициативу. Мексиканцы отзывали свою дипмиссию из Гватемалы и демонстративно перевели ее в Сальвадор.

Барриос, продолжая доверять американцам, попросил США быть посредником в назревавшем конфликте с Мексикой. Но в Вашингтоне мексиканский посланник активно работал над тем, чтобы США заняли по отношению к восстановлению центральноамериканского единства негативную позицию.

Порфирио Диас считал, что американцы все же могут решить поддержать Барриоса, а если тому удастся создать единое мощное государство, то он может попытаться отбить назад Чьяпас, ставший мексиканским штатом. Мексиканцы подозревали, что Барриос уже договорился с США о постройке межокеанского канала в обмен на поддержку его объединительных планов¹⁰⁸.

Мексиканцы были правы. Посланник Гватемалы в Вашингтоне Хауреги вел в 1884 году переговоры в госдепартаменте о строительстве трансокеанского канала через территорию Никарагуа в случае образования единой центральноамериканской республики. Однако гватемальцы не были готовы передать под юрисдикцию США полосу никарагуанской территории по обоим берегам канала¹⁰⁹.

Сами никарагуанцы отказались вступить в центральноамериканский союз во многом тоже из-за пресловутого канала. 15 марта 1885 года министр иностранных дел Никарагуа Кастельон сообщал в циркулярном письме всем никарагуанским дипломатическим представителям: «Из той информации, которая имеется у правительства, можно сделать твердое заключение, что неожиданные и оскорбительные действия генерала Барриоса имеют в качестве подлинной причины стремление стать абсолютным арбитром переговоров о канале, а национальное единство он выдвигает лишь в качестве предложения»¹¹⁰.

Американцы тем временем направили в гватемальский порт Ливингстон военный корабль «Суатара» якобы для того, чтобы забрать оттуда уже упоминавшихся выше «американских рабочих», у которых-де не было денег на билет до Нового Орлеана.

Барриос, между тем, собрал 15-тысячную армию и двинулся к сальвадорской границе. Никто не сомневался в победе гватемальцев, тем более что на сторону Барриоса перешел и сальвадорский воинский контингент во главе с генералом Франсиско Менендесом (примерно 300 человек). Всего под началом Барриоса было 20 тысяч человек – больше, чем насчитывалось в регулярной мексиканской армии того времени.

30 марта 1885 года гватемальцы перешли границу Сальвадора, разбив в первом же бою заслон сальвадорских войск у селения Эль-Коко. Сальвадорцы бежали, бросив одну пушку, митральезу и много амуниции. 2 апреля армия Барриоса выдвинулась в район сальвадорского

¹⁰⁶ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹⁰⁷ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 136.

¹⁰⁸ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 35.

¹⁰⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 136.

¹¹⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. СС. 138.

селения Чальчуапа, где окопалась сальвадорская армия. И тут неожиданно примерно в 11 часов утра президента Гватемалы поразила шальная пуля, которую многие назвали «мистической». Дело в том, что, по словам очевидцев, Барриос был надежно защищен бруствером окопа от фронтального огня. Скорее всего, его убили сзади или с растущих рядом деревьев¹¹¹.

Однако американский посланник в Гватемале сообщал позднее, что Барриос был убит в бою, когда лично повел свои войска на укрепленные позиции врага¹¹². Несмотря на панику в рядах гватемальцев, сальвадорцы не решились их преследовать.

С гибелью Барриоса погибла и идея центральноамериканского единства. Деморализованная гватемальская армия ушла из Сальвадора, а новый президент отменил знаменитый декрет своего предшественника и освободил из тюрем всех противников убитого президента. Семья Барриоса отправилась в изгнание в Сан-Франциско.

Именно консервативное правительство Никарагуа сыграло ключевую роль в крахе «проекта Барриоса».

Положение сальвадорского президента Сальдивара в собственной стране было очень непрочным – многие считали его предателем. В сальвадорской армии зрел заговор. Восстание против Сальдивара в мае 1885 года поднял соратник Барриоса Менендес. Под его командованием было от трех до четырех тысяч вооруженных сторонников. Первые бои принесли успех повстанцам. Американский посланник в Гватемале, посетивший Сальвадор, отметил, что силы Менендеса «растут с каждым» часом, а общественное мнение страны настроено в его пользу¹¹³.

В июне 1885-го по просьбе Сальдивара и его преемника никарагуанские войска (примерно 1100 человек) вступили на территорию восточных департаментов Сальвадора, что вызвало протест правительства Гватемалы. Даже американцы сочли никарагуанскую интервенцию «неуместной». Однако Никарагуа готовилась направить в Сальвадор еще 500 военнослужащих. Тогда и Гватемала стал стягивать к границе с Сальвадором войска – около 4000 человек.

В конце концов, никарагуанская интервенция не помогла, и Менендес стал временным президентом Сальвадора.

Во второй половине 80-х годов сложными оставались никарагуанско-гондурасские отношения, так как в Гондурасе по-прежнему правил сторонник Барриоса Богран. Прессу будоражили периодические сообщения о готовящейся войне между двумя странами. Фактически это было отголоском сохранявшейся напряженности в гватемальско-сальвадорских отношениях, где Никарагуа была на стороне Сальвадора.

Пока консервативные правительства Никарагуа играли роль антинародного жандарма в Центральной Америке, против них росло недовольство в собственной стране. Сама консервативная партия (официально именовавшаяся республиканской) раскололась на два течения: церковников и прогрессистов.

В 1889 году скончался президент страны Карасо, и его четырехлетний срок отбыл до конца Роберто Сакаса, врач по образованию. В 1891-м Сакаса решил опять выставить свою кандидатуру на пост президента, хотя это было запрещено конституцией. Тогда Сакаса передал на короткое время президентские полномочия подставному малоизвестному политику и выиграл президентские выборы 1891 года. Однако это не понравилось ни консерваторам, ни либералам. 28 апреля 1893 года против Сакасы было организовано восстание в гранадском гарнизоне. Восстание поддержали и либералы.

Восставшие заняли Масайю и двинулись на Манагуа. При Ла-Барранке повстанцы разбили правительственные войска. Американский посланник Бейкер предложил свое посредни-

¹¹¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 139.

¹¹² FRUS 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹¹³ FRUS 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

чество в урегулировании конфликта. Летом 1893-го Сакаса был вынужден уступить власть временной хунте под руководством сенатора Мачадо (двух членов хунты назначал Сакаса, трех – повстанцы). Новое правительство было коалиционным: в него вошли и либералы, и консерваторы. Тем самым закончилось тридцатилетие консервативного правления в Никарагуа. Страна вступала в новый, судьбоносный период своей истории.

Глава 2. Интервенция США и борьба генерала Аугусто Сандино: 1893-1934 годы

Пришедший к власти в Никарагуа в 1893 году сорокалетний уроженец Манагуа Хосе Сантос Селайя, как и Барриос, был типичным либералом. В 16 лет он отправился в мекку всех тогдашних либералов – во Францию, где провел шесть лет.

Селайя стремился активно развивать в стране образование, бороться против засилья церкви, поощрять иностранные инвестиции и стоять на страже национального суверенитета. К американцам Селайя относился предупредительно, так как рассчитывал на помощь иностранного, прежде всего американского капитала в развитии страны. К тому же Селайя решил все-таки начать строительство межокеанского канала. И здесь он тоже полагался на инвестиции из США.

Пожалуй, дух правления Селайи лучше всего выразил великий никарагуанский поэт Рубен Дарио, говоривший, что дух никарагуанцев должен быть националистическим внутри страны и космополитичным по отношению к внешнему миру.

После тридцатилетнего правления консерваторов реформы Селайи в Никарагуа носили революционный характер.

Прежде всего, Селайя решил принять новую конституцию, которая сразу вызвала раздражение США. Многие либералы – делегаты конституционной ассамблеи хотели внести в основной закон положения об увеличении налогообложения иностранных компаний в Никарагуа. Дипломатический представитель США в Манагуа Бейкер в октябре 1893 года посетил Селайю и информировал его об «обеспокоенности» иностранного бизнеса. Селайя заверил Бейкера, что «просвещенные» элементы среди делегатов ассамблеи выскажутся против ограничения прав иностранцев, так как это может помешать иммиграции поселенцев в Никарагуа¹¹⁴. Как и большинство либералов, Селайя полагал, что местное население Никарагуа (особенно коренное) якобы по природе лениво и неспособно усвоить все нововведения мировой технической мысли. Поэтому президент делал ставку на привлечение колонистов-иностранцев из США и стран Европы.

В статье 9 конституции говорилось, что иностранцы могут покупать в Никарагуа любую собственность. Статья 10 нового основного закона логично провозглашала, что они должны платить такие же налоги и сборы, как граждане Никарагуа. При этом в случае возникновения споров они не имели права апеллировать к своим правительствам. После авантюры Уокера такое положение конституции для Никарагуа было весьма естественным, но вызвало резкое неприятие иностранного бизнеса в стране.

Но больше всего иностранцев в Никарагуа возмутила статья 12. Там говорилось, что если иностранные граждане обратятся к своим правительствам с «несправедливыми спорными требованиями» по отношению к правительству Никарагуа и если этот спор не будет урегулирован «дружески», то они могут потерять право на пребывание в стране.

И все же делегаты (правда, большинством всего в один голос) приняли спорную статью конституции.

В целом конституция (которую называли «Ла Либеррима» – «либеральная») ознаменовала собой коренной разрыв со всем наследием консервативного правления.

Была ликвидирована система не прямых выборов президента и парламента, а также отменен имущественный ценз для избирателей. Теперь выборы были всеобщими, прямыми и тайными. Конституция декларировала также отмену смертной казни и провозглашала основ-

¹¹⁴ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

ные права и свободы человека. В стране впервые была закреплена свобода вероисповедания, и образование стало носить исключительно светский характер. Была расширена автономия муниципалитетов¹¹⁵.

К концу первого срока своего президентства Селайя направлял на народное образование до 10 % бюджета страны¹¹⁶. При нем было построено 140 государственных школ.

Был легализован развод и признаны гражданские, то есть заключенные без посредничества церкви, браки. В 1899 году Селайя конфисковал всю церковную недвижимость.

Хотя многие положения конституции так и остались на бумаге, но для своего времени (и тем более для Латинской Америки) это был весьма прогрессивный документ. Правда, всего через девять месяцев после торжественного принятия положения новой конституции были временно приостановлены и в стране ввели осадное положение, действовавшее до февраля 1896 года. К 1905 году были фактически ликвидированы многие права и свободы, и Селайя, по сути, правил страной как диктатор.

В какой-то мере все эти шаги были вынужденными. Серьезные преобразования Селайи вызвали яростное сопротивление консерваторов, церкви и иностранного капитала.

Например, еще в конце 1893 года Селайя объяснял американскому посланнику аресты своих оппонентов и введение осадного положения тем, что в стране в розыске находится 3-4 тысячи единиц оружия, а арестованные (всего пять человек) готовили вооруженное восстание. Американец счел такое объяснение резонным¹¹⁷.

В то же время Селайя в 1899 году добился принятия закона против бродяжничества. Согласно этому документу все люди на селе и в городе были обязаны работать. Таким образом Селайя заботился о том, чтобы владельцы плантаций кофе (основного экспортного товара Никарагуа) всегда могли иметь резерв дешевой рабочей силы. По новому закону все индейцы должны были определенное количество дней в году отработать в поместьях, где выращивались экспортные культуры, или на предприятиях по развитию инфраструктуры, которые поддерживались правительством. Третьим вариантом было поступление на военную службу.

Еще в 1894 году был принят закон, по которому так называемые сельские судьи могли заставить работать любого никарагуанца старше 14 лет. В 1898-м были введены трудовые книжки.

Селайя даже организовал специальную сельскую полицию, которая следила за тем, чтобы рабочие не покидали кофейные плантации и вели себя смирно.

В 1906 году Селайя сделал то, чего так и не смогли добиться консерваторы: он отменил юридическую защиту общинного индейского землевладения. Теперь кофейные магнаты могли расширить свои плантации за счет индейских земель.

Селайя ориентировался на превращение Никарагуа в лидирующего экспортера таких сельскохозяйственных культур, как кофе, а позднее бананов. Его политика по раздроблению общинного землевладения привела, с одной стороны, к росту производства технических экспортных культур, а с другой – к падению сборов основных продовольственных сельскохозяйственных культур в стране. Никарагуа пришлось импортировать продовольствие, в частности пшеницу. И такое положение дел сохраняется по сей день.

Количество мелких производителей при Селайе сократилось, зато выросло крупное плантационное хозяйство.

Селайя исходил из того, что мировые цены на кофе начиная с 1890 года стали расти. Следовательно, наращивание экспорта этой культуры могло (за счет таможенных пошлин) дать

¹¹⁵ Baracco L. Nicaragua: The Imaging of a Nation From Nineteenth-Century Liberals to Twentieth-Century Sandinistas. Algora Publishing, 2005. P. 37.

¹¹⁶ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 32.

¹¹⁷ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

правительству либералов необходимые средства для модернизации страны, прежде всего ее образования и транспортной инфраструктуры.

В результате разгрома общинного землевладения 30 крупных латифундистов получили при Селайе 1,3 миллиона гектаров земли¹¹⁸. В стране появилась сезонная безработица, – ведь цикл производства кофе, как и любой сельскохозяйственной культуры, носил сезонный характер. Когда работы не было, тысячи бывших мелких землевладельцев, теперь лишенных земли, наводняли города, усугубляя тем самым их проблемы.

Правда, Селайя стремился поощрять и мелких фермеров выращивать кофе. Правительство давало им кредиты, субсидии и разрешало бесплатно транспортировать этот товар по государственным железным дорогам. Многие фермеры стали отказываться от производства традиционных бобов и кукурузы и переходить на выращивание кофейных деревьев. Однако большинство правительственных субсидий доставалось всего 57 латифундистам – все они были сторонниками Селайи и либералами¹¹⁹.

Такая политика оказалась близорукой, потому что Никарагуа стала заложником резкого колебания мировых цен на кофе. А планы Селайи сделать Никарагуа ведущим экспортером этого продукта в мире оказались иллюзорными. Уже в конце XIX века мировые цены благодаря громадным объемам производства стала определять Бразилия. К тому же кофе в то время был еще в какой-то мере продуктом роскоши в Европе и США, и спрос на него сильно колебался в зависимости от экономического положения этих стран. Любой экономический кризис немедленно приводил к существенному сокращению потребления кофе в развитых странах.

Если крупные (особенно иностранные) плантационные хозяйства еще могли пережить колебания цен на мировом рынке, то для многих мелких фермеров это означало неминуемое разорение, и они продавали свои участки и пополняли ряды рабочих на кофейных плантациях латифундистов.

К тому же сами крупные компании скупали продукцию мелких фермеров по дешевке и тем самым снижали их и без того не слишком высокие доходы.

Как только Селайя пришел к власти, он немедленно объявил о намерении ввести налог на производство кофе, как это уже было сделано в соседней Коста-Рике.

К этому Селайю вынуждала тяжелая финансовая ситуация в стране, которая была наследием тридцатилетнего правления консерваторов и общей неразвитости Никарагуа. 1 июля 1894 года Никарагуа оказалась не в состоянии произвести очередной полугодовой платеж по обслуживанию внешнего долга в размере 8500 фунтов стерлингов. Правительство попыталось занять на внутреннем рынке 500 тысяч песо, но не смогло представить кредиторам никакого залога. Селайя не смог даже погасить внутренние облигации в объеме 428 тысяч песо, которые в 1891 году выпустил Сакаса под залог таможенных платежей и под громадные по тем временам проценты – 12 %. Любой владелец облигаций на 100 долларов имел право с учетом процентов по ним и дисконта при их продаже на 138 долларов. Под эти облигации было заложено 40 % всех таможенных сборов страны¹²⁰.

Каждый владелец облигаций мог прийти с ними на таможенную и получить освобождение от уплаты импортных пошлин, что еще больше подрывало и без того не слишком богатую никарагуанскую казну. Селайя был вынужден заявить, что до 1896 года эти облигации погашаться не будут. Все импортеры отныне были обязаны платить таможенные пошлины наличными.

Однако и местный, и американский бизнес решительно выступил против этих планов правительства, и Селайе пришлось пойти на компромисс. Погашение бондов было возобновлено, но скидка по ним при импортных таможенных пошлинах давалась только в размере 30 %

¹¹⁸ *Habib-Mintz N.* Food Insecurity in Nicaragua. См.: <http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilas/ilassa/2004/habibmintz.pdf>.

¹¹⁹ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010.

¹²⁰ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

от стоимости облигации. Остальные 70 % надо было все же платить в бюджет наличными. К тому же процент по облигациям сокращался вдвое – до обычных в то время по всему миру 6 %.

Реструктуризация долга вынудила Селайю пойти на крайне непопулярную меру – выпустить в обращение бумажные деньги на 500 тысяч песо, которым никарагуанцы традиционно не доверяли.

Интересно, что при недостатке в Никарагуа собственного серебра (и тем более золота) в качестве своего рода и внутренних «твердых» денег и конвертируемой валюты ходили серебряные перуанские соли. В них, например, взимался экспортный налог на кофе: 2 серебряных соля на 100 фунтов кофе. Урожай 1895 года ожидался в объеме 150000 мешков по 100 фунтов каждый. Однако Никарагуа была заложником господствовавшего в то время в мире золотого стандарта. Серебро было сильно недооценено по сравнению с золотом, а именно на золото приходилось покупать основные импортные товары. Получалось, что при дальнейшем падении серебра относительно золота никарагуанцам приходилось бы продавать все больше и больше кофе для обеспечения обычного объема импорта.

В этом тяжелом финансовом положении Никарагуа кроется еще одна причина, заставившая Селайю подчас крутыми мерами наращивать экспорт кофе – президент во что бы то ни стало хотел добиться финансовой независимости страны от внешних кредиторов, за которыми обычно маячили иностранные канонерки и морская пехота.

Селайя, как и Барриос, поддерживал либералов в соседних странах и предоставлял им политическое убежище в Никарагуа. Уже в конце 1893 года это едва не привело к войне с Гондурасом, хотя американский представитель в Манагуа считал, что вина за обострение двусторонних отношений лежит именно на Гондурасе, в то время как политика Селайи оценивалась как миролюбивая¹²¹. 30 октября 1893 года гондурасский конгресс уполномочил исполнительную власть объявить войну Никарагуа в любой момент. Гондурас предложил Сальвадору присоединиться к военному союзу против Никарагуа.

Никарагуа перебросила на гондурасскую границу 1200 солдат и офицеров. Был объявлен принудительный заем на 400 тысяч долларов с целью финансирования возможной войны, причем от этого налога освобождались все иностранные предприниматели.

В декабре 1893 года около 1600 гондурасских эмигрантов перешли границу между Гондурасом и Никарагуа с целью свержения гондурасского президента Васкеса. Никарагуанская армия (примерно три тысячи бойцов) стояла на границе в полной боевой готовности. Никарагуа признала повстанческое правительство Гондураса во главе с Поликарпо Бонильей¹²². Вскоре никарагуанская армия во главе с вице-президентом Ортисом тоже вторглась в Гондурас и заняла юго-запад страны.

В какой-то мере Селайя возвращал гондурасским либералам долг: гондурасские эмигранты в июле 1893 года помогли восставшим либералам в самой Никарагуа разбить правительственные войска и прийти к власти.

В январе 1894 года Васкес был свергнут (он через Сальвадор бежал в США), и при помощи никарагуанской армии в Гондурасе пришло к власти либеральное правительство. Возвращавшиеся домой никарагуанские войска были встречены мощными восторженными демонстрациями в главных городах страны.

Поддержка Селайи со стороны США в никарагуанско-гондурасском конфликте объяснялась в основном прагматическими соображениями: американские бизнесмены активно инвестировали в производство кофе неподалеку от гондурасской границы, и США не были заинтересованы в продолжительной войне между двумя этими странами, а тем более в победе Гондураса.

¹²¹ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

¹²² FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

В 1894 году, ободренный успехом в короткой войне с Гондурасом, Селайя решил наконец-то покончить с автономией, а на самом деле фактической независимостью Москитии. В этот регион были введены никарагуанские войска, автономия была ликвидирована, и Москития стала обычным никарагуанским департаментом. 20 ноября 1894-го совет местных жителей объявил о признании суверенитета Никарагуа. Селайя и не предполагал, что именно этот шаг приведет в конечном итоге к его свержению.

Большинство жителей Москитии отнеслись к новому статусу их региона весьма негативно. Местная негритянская аристократия и индейские вожди щедро раздавали иностранным предпринимателям (в основном американцам) концессии на вырубку ценных пород дерева и добычу золота. Американцев такое положение дел более чем устраивало, так как они не платили фактически никаких налогов и пошлин. Непроходимые болотистые леса отделяли Москитию от остальной Никарагуа, и все товары в этот регион доставлялись в основном из США. В Москитии был распространен английский язык и выходили англоязычные газеты. Введение никарагуанских войск многие в регионе восприняли как оккупацию.

Селайя установил никарагуанский суверенитет в Москитии еще и потому, что это был единственный регион в Никарагуа, где добывалось золото. С помощью этого золота Селайя рассчитывал, наконец, вывести Никарагуа из сложной финансовой ситуации и расплатиться по внешним долгам.

Несмотря на почти полное отсутствие в Москитии транспортных коммуникаций, в 90-е годы XIX века в регионе началась активная добыча золота. Благородный металл добывался в основном на двух месторождениях – Пис-Пис и Сиуна, расположенных в 15 милях друг от друга и 70 милях от побережья Карибского моря¹²³. Сиуна принадлежало американской компании «Ла Лус и Лос Анхелес» («Свет и ангелы» по-испански). Все горнодобывающее оборудование было американским и доставлялось в тяжелых условиях по рекам и на мулах с побережья. За компанией стояли влиятельные деловые круги США.

Американцы были встревожены присоединением Берега Москитов к Никарагуа. К 1894 году они инвестировали в регион 2 миллиона долларов и зарабатывали там путем чудовищной эксплуатации местного населения до 4 миллионов долларов ежегодно.

90–95 % торговли Москитии шло через Блуфилдс и контролировалось американскими бизнесменами. Вообще, со стороны Блуфилдс походил тогда на типичный американский городок.

Столь высокоприбыльным бизнес был еще и потому, что американцы в регионе почти не платили никаких налогов и пошлин. Селайя был известен американцам как человек, стремящийся извлечь из предпринимателей как можно больше налогов и сборов. К тому же излишне независимый президент мог и пересмотреть благоприятные для иностранцев условия концессионных договоров.

От имени международного бизнеса в регионе выступал американец Сэмюэл Вейл, который импортировал в регион спиртные напитки из Нового Орлеана на льготных условиях и был связан с еврейским бизнес-сообществом Юга США.

Американские бизнесмены пожаловались посланнику США в Манагуа Бейкеру на государственный дирижизм и «милитаризм» новой никарагуанской администрации. Дело дошло до того, что американские бизнесмены единодушно отклонили предложение никарагуанского губернатора принять участие в работе новых органов власти в департаменте. Любого, кто согласился бы на это предложение, сочли бы ренегатом. Новым властям, по сути, объявили бойкот. Когда чиновник министерства финансов Никарагуа в 1895 году посетил центр Москитии Блуфилдс, у него создалось впечатление, что в городе не признают суверенитет Никарагуа, а

¹²³ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

законы страны «остаются мертвой буквой»¹²⁴. В Москитии процветала контрабанда, причем переправлялась она через причалы и хранилась на портовых складах, которые принадлежали иностранцам, в том числе и упомянутому выше Вейлу.

Тем не менее в 1895 году Вейл стал мэром Блуфилдса, а годом позже – акционером основной золотодобывающей компании «Ла Лус и Лос Анхелес». Уже этот факт ясно говорит о том, что Селайя не был ярым врагом американского бизнеса как такового.

Но американцев не устраивала введенная Селайей система формализованных концессий, хотя она была достаточно выгодной для бизнеса. Правительство Никарагуа предоставляло той или иной компании право вести определенную деятельность на той или иной территории. В обмен на это право обычно выплачивалось первоначальное разовое возмещение, а затем ежегодные роялти. К тому же концессионер мог беспошлинно возить все необходимое ему для его деятельности оборудование и продовольствие.

Такая практика была общемировой. Даже американский посланник в Манагуа признавал, что бизнесмены экономят на отмене импортных пошлин гораздо больше, чем платят денег в виде роялти. И все же при «независимой» Москитии можно было вести коммерческую деятельность еще вольготнее – иногда без всяких концессий. А вся торговля была до 1894 года вообще чистой контрабандой.

Селайя часто раздавал концессии тем компаниям, которые были связаны с его друзьями по либеральной партии. Это было своего рода платой за сохранение в стране внутреннего мира. Не гнушался президент и личным участием в некоторых коммерческих предприятиях.

Введенные Селайей налоги и пошлины, а также то, что концессии не всегда попадали американцам и часто носили эксклюзивный характер, – все это настроило американское бизнес-сообщество Москитии против никарагуанского президента.

Бизнесмены, как могли, пытались обойти новые законы. Например, они активно продавали беспошлинно ввезенные для своих концессий товары на местных рынках, что было запрещено. Но со временем американцы в Москитии стали подумывать о том, что неплохо было бы заменить Селайю более сговорчивым президентом.

В апреле 1894 года Селайя дал указание никарагуанскому посланнику в Вашингтоне поставить перед США вопрос о проведении новых переговоров по строительству трансокеанского канала¹²⁵. К тому времени американцы уже создали частно-государственную компанию по прокладке канала («Маритим Кэнал Компани»; до 1889 года лицензия принадлежала другой американской компании)¹²⁶. Но она, имея лицензию никарагуанского правительства, абсолютно ничего не делала. В 1884 году лицензию отозвали, но потом возобновили.

Правда, изыскательские работы начались после 1887 года, а в 1890-м в Сан-Хуан-дель-Норте были построены пирсы и склады для приема строительного оборудования. Компания проложила 70 миль телефонных и телеграфных линий. В Сан-Хуан-дель-Норте начали прибывать оборудование и строительная древесина. Предполагалось, что канал войдет в строй к 1897 году и его стоимость не превысит 90 миллионов долларов.

США охватила «никарагуанская лихорадка», напоминающая калифорнийскую золотую 1848 года. В 1892 году в Калифорнии состоялась Национальная конвенция для обсуждения вопроса строительства никарагуанского канала. Делегаты отбирались конгрессменами и сенаторами от каждого штата. Конвенция обратилась к конгрессу США с просьбой помочь строительству канала деньгами. Граждан США призвали активно скупать акции компании: ведь

¹²⁴ См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹²⁵ FRUS, 1893-1894 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus1894a.i0026.pdf>).

¹²⁶ Компания была основана в 1889 году, и ее устав утвердил конгресс США. Компания имела право выбрать Панаму или Никарагуа в качестве места прокладки межокеанского канала. Выбор был сделан в пользу Никарагуа.

всего через пять лет канал начнет давать прибыль. На акции обещали как минимум 6 % годовой прибыли.

Но в 1893 году произошла очередная паника на американских фондовых биржах, и компания лишилась всех своих источников финансирования.

Президент Никарагуа стал оказывать на компанию давление и, в конце концов, отозвал ее лицензию. Селайю такое положение дел устроить, конечно, не могло. Американский госдепартамент подтвердил необходимость канала, который должен был строиться «под эгидой» США и в интересах всех стран Западного полушария. При этом Селайю попросили оставить компанию в покое.

Однако шаги Селайи в Москитии и по вопросу канала произвели на Вашингтон крайне неблагоприятное впечатление. Именно с этого момента в США стали подумывать об устранении неудобного никарагуанского президента и о прокладке канала в ином месте, вне территории Никарагуа.

С 1878 года строительством канала в Панаме занималась французская компания Фердинанда Лессепса, имевшая лицензию колумбийского правительства. Реальные строительные работы начались в 1882 году. Американцы следили за этим с явным неудовольствием. В 1889-м компания Лессепса обанкротилась и к 15 мая этого года прекратила все операции. Она успела построить 40 % канала (ценой жизни примерно 22 тысяч рабочих), на что было затрачено 235 миллионов долларов.

20 октября 1894 года была организована «Новая компания Панамского канала», также французская. Канал по новому договору с колумбийским правительством должен был быть введен в эксплуатацию к 1900 году. Однако у новой компании не было достаточных средств, и она открыто искала покупателя всего проекта за 109 миллионов долларов. Американцы хотели купить компанию Лессепса и, в конце концов, сделали это.

Естественно, Селайя не понимал, чем же в таком случае занимаются американцы в Никарагуа. Президент справедливо подозревал США в том, что они просто держат эксклюзивное право на постройку канала в Никарагуа, чтобы не пустить туда иностранных конкурентов, которые могли бы поставить под вопрос прокладку канала в Панаме. Сами же американцы, по мнению Селайи, видимо, хотели перекупить французскую компанию по дешевке. В противном случае бездействие американцев в Никарагуа на фоне активной деятельности французов в Панаме объяснить было трудно.

24 апреля 1895 года президент США Кливленд назначил специальную комиссию во главе с полковником Ладлоу, чтобы определить экономическую целесообразность строительства канала через территорию Никарагуа. Выводы комиссии были довольно туманными, но призывали существенно пересмотреть условия строительства канала. Преемник Кливленда Маккинли в 1897 году назначил новую комиссию (Nicaraguan Canal Commission) во главе с контр-адмиралом Уокером.

Конкурентами канала оказались американские же железнодорожные компании, которые предпочитали прокладку железной дороги от атлантического до тихоокеанского побережья Никарагуа. Железнодорожное лобби убеждало американцев, что сооружение канала будет нарушением англо-американского договора Клейтона – Бульвера¹²⁷. К тому же на канал позарятся иные морские державы (включая Германию и Россию), и США придется вести из-за него войну.

В марте 1899 года комиссия Уокера представила свой доклад. По нему стоимость канала оценивалась уже в 118 миллионов долларов (без учета процентов по кредитам, дивидендов на акции и расходов на управление проектом). 15 декабря 1899 года был учрежден специальный

¹²⁷ Действительно, еще в 1894 году в палате общин британского парламента был сделан депутатский запрос о совместности канала в Никарагуа с положением договора.

комитет конгресса США по трансокеанскому каналу, который должен был сделать окончательный выбор относительно места прокладки этой важнейшей транспортной магистрали.

18 ноября 1901 года был заключен новый американо-британский договор (договор Хэя – Понсефоте), по которому США уже не нуждались в согласии Великобритании на строительство трансокеанского канала в Центральной Америке. Если по договору Клейтона – Бульвера канал должен быть нейтрализованным и открытым для судов всех стран даже во время войны, то по новому документу США разрешалось строить в зоне канала укрепления, держать войска. Правда, ни одна из сторон не могла захватить зону канала силой. Англичане пошли на уступки, так как уже тогда считали своим основным противником Германию и были заинтересованы в дружеских отношениях с США.

Наконец, после горячих дебатов 15 июня 1902 года конгресс США решил, что канал должен строиться на Панамском перешейке.

Между тем к концу XIX века Селайя стал раздражать официальный Вашингтон своими попытками поставить под жесткий контроль правительства американских бизнесменов в стране (особенно в Москитии), и неуступчивостью в вопросах строительства трансокеанского канала. Американские газеты стали писать о диктаторских замашках Селайи, хотя тот не делал ничего такого, что было бы из ряда вон выходящим в политической практике Латинской Америки того времени.

Американские бизнесмены в Москитии сделали ставку на местного губернатора генерала Хуано Пабло Рейеса, который был назначен в регион в 1896 году и снискал уважение тамошних янки. Рейес поощрял золотодобычу, модернизировал гавань Блуфилдса. Губернатор активно боролся против ведения на территории своего департамента выпущенных Селайей бумажных денег – ведь американцы предпочитали серебряную монету или доллары.

За три года пребывания в должности Рейес, по его собственным данным, перевел в Манагуа около 450 тысяч долларов налогов и сборов. Он был не прочь оставить эти деньги у себя. Такой же точки зрения придерживались и местные американские бизнесмены. Они ожидали, что если Рейес свергнет Селайю, то налоги и таможенные сборы будут снижены.

Мятеж Рейеса вспыхнул 4 февраля 1899 года. Селайя попросил президента США направить в Сан-Хуан-дель-Норте военный корабль¹²⁸. Видимо, он думал, что за путчем Рейеса стоят англичане, не смилившиеся с утратой суверенитета над Москитией. Уже 10 февраля 1899 года в Сан-Хуан-дель-Норте был направлен корабль ВМС США «Мариэтта» (он прибыл в порт 16 февраля). Вскоре прислали свой корабль и британцы.

Одновременно, чтобы лишить Рейеса его главного источника финансирования – торговли, правительство Никарагуа заявило о немедленном закрытии всех портов атлантического побережья. Американцы, правда, придерживались мнения, что их коммерческих судов это не касается.

Рейес в своей прокламации торжественно заверил, что американцы от внутриникарагуанского конфликта не пострадают. Посланник США в Манагуа «с сожалением» сообщал, что большое количество американских граждан помогают Рейесу¹²⁹. Американский консул в Блуфилдсе предостерег граждан США от участия в «революции», но тех это никак не смутило.

Путчисты попытались устроить «революцию» и на граничащем с Москитией побережье Гондураса. Это привело лишь к тому, что правительство Гондураса предоставило в распоряжение Селайи канонерскую лодку.

Успех мятежа зависел от способности Рейеса перебросить лояльные ему силы по реке Сан-Хуан через озеро Никарагуа в консервативную Гранаду, которую он хотел сделать своим опорным пунктом. Под началом Рейеса к моменту мятежа было не более 300 человек (включая

¹²⁸ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frasl899.i0025.pdf>).

¹²⁹ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frasl899.i0025.pdf>).

20 американцев), и ему требовалось действовать быстро, чтобы не дать Селайе возможности перебросить в Москитию регулярные воинские части. Стараниями американских бизнесменов в распоряжении Рейеса оказалось около 5 тысяч современных винтовок и достаточное количество боеприпасов к ним¹³⁰. Личная охрана лидера мятежников состояла из американцев.

В Новом Орлеане готовился к отплытию в Блуфилдс пароход с американскими наемниками.

Рейес умел быть благодарным. Как только он взял власть в Блуфилдсе, были немедленно снижены до уровня 1894 года налоги и пошлины. Это с удовлетворением отметили газеты в Новом Орлеане.

К 16 февраля 1899 года путчисты заняли Сан-Хуан-дель-Норте и готовились к продвижению вглубь страны. Консерваторы подняли мятеж неподалеку от Гранады и ждали подхода Рейеса. Если бы их силы соединились, то страну как минимум ожидала бы серьезная гражданская война.

Однако путчисты продержались только 20 дней, в течение которых американские бизнесмены в Москитии платили налоги и пошлины «правительству Рейеса» (потом они, конечно, утверждали, что делали это принудительно). К 24 февраля мятеж провалился. Рейес и начальник его личной охраны американец Кеннеди бежали из страны. В руки правительственных сил попали 42 мятежника – все граждане США. Никарагуанцы разрешили им свободно покинуть страну.

Во время мятежа в плен попал молодой полковник Адольфо Диас. Его посадили в тюрьму, но Селайя помиловал этого человека, что сыграло в истории Никарагуа роковую роль. Американцы пристроили Диаса – он стал бухгалтером в золотодобывающей компании «Ла Лус и Лос Анхелес».

¹³⁰ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frus1899.i0025.pdf>).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.